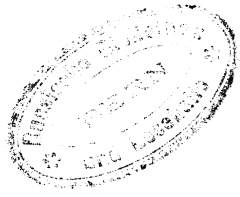
St. STEFANOFF. — La Question Nationale et le Socialisme

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

Ст. Стефановъ.

Національный вопросъ и Соціализмъ.

Ubi bene ibi patria.

Внѣпартійное изданіе.
Льежъ.—Типографія Г. Ливрона.
1906

2 mm
C

29813

LIÉGE
Imp. Georges LIVRON, rue du Mouton-Blanc, 20
1906

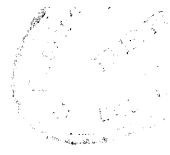
22137

Предлагаемая брошюрка «НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ И СОЦІАЛИЗМЪ», впервые была прочитана мною какъ рефератъ 16 февр. 1906 г. передъ льежской колоніей.

Ввиду того, что тема реферата затронула самые важные и жгучіе вопросы современнаго соціалистическаго движенія и также по совѣту многихъ изъ товорищей выпустить отдѣльной брошуркой мой рефератъ, я приступаю къ его изданію. При этомъ считаю долгомъ заявить, что выпуская въ свѣтъ мой рефератъ я позволилъ себѣ сдѣлать кой-какія измѣненія, мѣстами очень значительныя, а также нѣкоторыя дополненія и сокращенія.

Льежъ. 18 Марта 1906 г.

Ст. Стефановъ.

I

Ubi bene ibi patria.

Когда буржуазія западной Европы, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, обвиняла коммунистовъ въ томъ, „что они хотятъ будто бы уничтожить отечество, національность", коммунисты отвѣтили буржуазіи: „рабочіе не имѣютъ отечества."*) Эти слова коммунистовъ, какъ слѣдовало ожидать, были поняты лишь очень ограниченнымъ количествомъ лицъ изъ буржуазнаго міра, и поэтому мы не будемъ останавливаться на той поверхностной и пожалуй нищенской критикѣ, съ которой буржуазія встрѣтила манифестъ, ибо, какъ мы уже замѣтили, громадное большинство критиковъ не понимало духъ манифеста; тѣмъ болѣе, что теперь даже, многіе изъ соціалистовъ, претендующихъ быть марксистами, не понимаютъ, или не хотятъ понять значеніе тѣхъ именно словъ Маркса и Энгельса, которые остались непонятными для многихъ и полъ вѣка тому назадъ.**)

Понятіе объ отечествѣ можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія юридической т. е. поскольку личность является въ зависимости отъ извѣстной правовой страны и съ точки зрѣнія психической т. е. поскольку личность связана съ данной страной, съ ея обычаями, традиціями и народными идеалами. Такимъ образомъ юридическое соотношеніе личностей съ одной стороны и психическаго ихъ настроенія съ другой — обосновливаютъ исходный

*) Марксъ. Манифестъ коммун. партіи.

**) Плехановъ. Дневникъ соц.-демократа. №2.

пунктъ понятія объ отечествѣ; или другими словами, являются, вмѣстѣ взятые, какъ его критерій. Но становясь на точку зрѣнія пониманія различныхъ классовъ общества, вопросъ принимаетъ уже болѣе сложную форму, ибо каждый изъ общественныхъ классовъ т. е. крупная буржуазія, мѣщанство и пролетаріатъ, выработали свои специфическія отношенія къ этому вопросу. Именно эта форма есть единственная логическая постановка діалектическаго метода вопроса объ отечествѣ. Наконецъ, нельзя пренебрегать и четвертымъ элементомъ современнаго общества — который самостоятельно никогда еще не выступалъ и не выступитъ, какъ рѣшающій факторъ въ исторіи, но тѣмъ не мѣнѣе всегда имѣлъ, посредственное, болѣе или менѣе значительное вліяніе на ходъ историческихъ событій — интеллигенція. Я говорю не о революціонной интеллигенціи, интересы которой большей частью идентичны интересамъ пролетаріата; не говорю также о мѣщанской или о крупно-буржуазной интеллигенціи, интересы которыхъ опредѣляются отношеніями ихъ къ производству: — я имѣю ввиду лишь ту интеллигенцію, которая въ силу извѣстнаго экономическаго процеса отклонилась отъ своей соціальной орбиты и подобно блуждающимъ кометамъ, движется къ неопредѣленнымъ историческимъ цѣлямъ и гонится за разными т е о р і я м и, плодъ ея внѣ классоваго пониманія, пока не разобъется объ могучую силу одного изъ трехъ классовъ, или же не сольется изъ за личныхъ индивидуальныхъ интересовъ, съ однимъ изъ нихъ. Участь этой интеллигенціи была одна и не могла быть другой.

Мнѣ придется и въ другомъ мѣстѣ говорить объ исторической роли, и вообще о значеніи этой части интеллигенціи, поэтому я возвращаюсь къ прерваному вопросу.

И такъ, если изолируемъ понятіе объ отечествѣ отъ всякаго соціальнаго анализа, т. е. если ограничимся разсматриваніемъ его только съ буржуазной точки зрѣнія, то этотъ вопросъ, какъ уже было сказано, можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: съ юридической и съ психической. Но для того, чтобы опредѣлить и выяснить это двойное положеніе, мы должны прежде всего покончить, хотя бы, съ крупнѣйшими противорѣчіями, которыя легли въ основѣ современнаго буржуазнаго пониманія объ отечествѣ.

Понятіе родина вытекаетъ изъ понятія государство и общество; —посмотримъ, что означаетъ каждое изъ послѣднихъ.

„Государство — говоритъ Спенсеръ — ни что иное какъ агрегатъ отдѣльныхъ, но зависимыхъ другъ отъ друга индивидуумовъ.“*) Хотя дать такую дефиницію о государствѣ заставилъ Спенсера, по всей вѣроятности, пылъ буржуазно-анархистическаго экстаза, въ который англійскій философъ вѣсьма нерѣдко впадалъ, но она не лишена извѣстной дозы справедливости. Дѣло въ томъ, что не такъ важенъ выводъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ, какъ важно самое положеніе вопроса.

Спенсеру, называя государство только простымъ „агрегатомъ“, вероятно очень хотѣлось выразить такъ свою мысль, чтобы въ результатѣ получилось разложеніе государства на его составные элементы. Для насъ не важно теперь, достигъ-ли Спенсеръ свою цѣль; важно то, что современное государство въ самомъ дѣлѣ „агрегатъ“, хотя его историческая необходимость выработалась въ теченіи долгихъ столѣтій подъ вліяніемъ экономическихъ требованій правящихъ сословій древняго и средневѣкового общества, и въ послѣдствіи подъ вліяніемъ капиталистическихъ тенденцій современной крупной буржуазіи.

*) Spenser. L'individu contre l'Etat.

Энгельсъ въ своемъ, небольшомъ, всѣмъ извѣстномъ трудѣ «Происхожденіе частной собственности, семьи и государства»,показалъ, какимъ историческимъ процессомъ возникло государство, законное дѣтище частной собственности — и какими путями оно развивалось.

Государство регулируетъ имущественныя отношенія и охраняетъ цѣлость и несокрушимость частной собственности. „Классовой антагонизмъ,—говоритъ Энгельсъ*) — лежавшій въ основаніи всѣхъ до сихъ поръ существовавшихъ обществъ, вызывалъ необходимость государства, т. е. организацію даннаго класса эксплуататоровъ для охраненія общихъ условій производства, слѣдовательно, и для насильственнаго удержанія эксплуатируемаго класса на той ступени подчиненія, которая требовалась даннымъ способомъ производства (въ рабствѣ, въ крѣпостномъ состояніи или въ положеніи наемныхъ рабочихъ). Государство есть официальный представитель всего общества, оно объединяетъ его въ одной видимой организаціи, но оно исполняетъ эту роль лишь постольку, поскольку оно есть государство того класса, который самъ является представителемъ всего современнаго ему общества: въ древности — государствомъ гражданъ рабовладѣльцевъ; въ средніе вѣка—государствомъ феодальнаго дворянства; въ наше время—буржуазіи." Государство является верховнымъ олицетвореніемъ каждаго классоваго общества.

Для юридической возможности каждаго капиталистическаго государства, необходимы, прежде всего, два элемента: з а к о н ъ и в л а с т ь. Законъ безъ власти также невозможенъ, какъ власть невозможна безъ закона. Въ первомъ случаѣ государство бы распалось: намъ не извѣстенъ ни одинъ случай, съ тѣхъ поръ какъ возникла

*) Энгельсъ. Развитіе научнаго соціализма. III изд. Р. С. Д. Р. П.

частная собственность, что-бы общество, какъ бы малочисленно ни было, могло-бы существовать безъ извѣстныхъ, хотя и въ зачаточномъ состояніи, законовъ; во второмъ случаѣ, т. е. при законномъ государствѣ безъ власти, законы бы исчезли, а самое государство превратилось-бы въ угнетателей и рабовъ: общество вернулось-бы на нѣсколько десятковъ столѣтій назадъ, чего, конечно, второе и третье сословія т. е. мелкая буржуазія и народная масса, не допустили-бы. Таковъ основной принципъ современнаго буржуазнаго государства.

Власть, съ своей стороны, обосновывается на трехъ принципахъ: власть законодательная, власть исполнительная и власть юридическая. Значеніе законодательной власти заключается въ томъ, что-бы она опредѣлила соотношеніе членовъ государства другъ къ другу, къ самому государству и къ другимъ государствамъ, т. е., что-бы создала законы, согласно требованіямъ всего народа, его культурнаго и этическаго настроенія; исполнительная власть имѣетъ значеніе для проведѣнія въ санкціи этихъ законовъ и наконецъ, юридическая власть соблюдаетъ, чтобы эти законы исполнялись, какъ со стороны органовъ администраціи, такъ и со стороны членовъ общества.

Таковъ въ общемъ цѣлый механизмъ современнаго государства. Однако, какъ бы эти принципы ни были полны, какъ ни односторонни и предназначены облагодѣтельствовать только одну часть общества, но они въ дѣйствительности далеко не прилагаются въ своемъ принципіальномъ духѣ. Такъ какъ намъ не придется говорить объ отношеніи власти къ членамъ общества, то считаемъ не лишнимъ замѣтить здѣсь, что власть, выражается-ли она въ законодательной, исполнительной или юридической формѣ, является всегда въ противорѣчіи интересамъ широкихъ народныхъ массъ и очень

часто—въ противорѣчіи интересамъ самой буржуазіи.

Спенсеръ въ своей критикѣ противъ государства современнаго и „будущаго,“доходитъ до заключенія противоположнаго современнаго официальннаго принципа о государствѣ. Отношнніе личности къ государству навсегда останется равносильнымъ отношенію раба къ хозяину,—таковъ общій смыслъ его выводовъ. Не трудно убѣдиться въ томъ, что если Спенсеръ доходитъ до такового заключенія, то причина этаго заключается въ самой постановкѣ вопроса. Главная ошибка Спенсера заключается въ томъ, что онъ смѣшиваетъ современное государство съ будущей общественной организаціей, а критикуя послѣднее, Спенсеръ совершенно произвольно, по своимъ вымышленнымъ планамъ строитъ будущее „государство,“ ставитъ во главѣ этого государства, какъ водится, законное правительство, хотя и рабочее, и приписавъ эту фантастичную систему будущаго общества, какъ идеалъ, къ которому пролетаріатъ стремится, Спенсеръ начинаетъ наносить ему свои безпощадные удары, разбивая, пунктъ за пунктомъ на всѣхъ позиціяхъ, его несостоятельность.

„Когда общество — говоритъ Спенсеръ въ своей l'Individu contre l'Etat — достигнетъ того идеала къ которому „практическіе“ политическіе дѣятели и соціалисты хотятъ довести насъ,—идеалъ столь блестящій съ его свѣтлой стороны, которую соціалисты такъ любятъ созерцать, какая-же будетъ его несомнѣнно мрачная сторона, отъ которой они отклоняютъ свой взоръ“? Или-же: „Заколдованные политиканны и фанатики революціонеры, пораженные существующей нищетой современной общественной организаціи, и не желая приписывать ее какъ плодъ ошибки, не вполнѣ приспособленной, къ общественному порядку человѣческой природы, они воображаютъ, что все измѣнится

къ лучшему съ той или иной реорганизаціей. Но если, по мнѣнію Спенсера, соціалисты, заколдованные политиканы и „фанатики“ революціонеры, хотя немного одумаются, то они сейчасъ поймутъ, что при каждой перемѣнѣ общественнаго порядка, „они“ будутъ отдавать часть своей свободы, въ отношеніи обратно пропорціональномъ своимъ выгодамъ т. е. „коль скоро ихъ матеріальное благосостояніе улучшается, они лишаются своей свободы.“

„Никакая кооперативная форма—продолжаетъ дальше Спенсеръ –какъ-бы мала ни была, не можетъ быть основана безъ законовъ и, слѣдовательно, безъ подчиненія агентамъ—управителямъ. Сама соціалистическая организація, которая имѣетъ ввиду совершить общественную перемѣну, даетъ наглядный примѣръ. Она принуждена имѣть комитетъ, мѣстныхъ и общихъ агентовъ и вождей, которымъ всѣ должны подчиняться подъ страхомъ безпорядка и неуспѣшности дѣла.“ И если, по Спенсеру, будущее общество не будетъ организованно на началахъ маленькихъ ассоціацій, а будетъ представлять большую національную ассоціацію, члены ея будутъ принуждены дѣлать одно изъ двухъ: или подчиняться до конца организаціонному уставу общества т. е. сдѣлаться рабами „деспотизма“ „привелигированной“ и „централизированной бюрократіи“; —или же выйти изъ нея т. е. покинуть страну.

Спенсеръ не останавливается только на устройствѣ будущаго государства; онъ идетъ еще дальше: онъ указываетъ намъ, какимъ образомъ будетъ функціонировать будущая „соціалистическая“ администрація. Въ будущемъ государствѣ, если вѣрить Спенсеру, и рѣчи не будетъ ни о какомъ „согласіи“ между „рабочими“ и „хозяевами,“ ибо индустрія и хозяйство будетъ принадлежать государству; система, регулирующая производительность, будетъ основана на „приказаніи“ со стороны

администраціи,—которой общество, конечно, будетъ платить, — и на послушности со стороны рабочихъ. Что касается селско-хозяйственной промышленности, то будущее общество обременитъ производство земледѣлческой а р м і е й (к. Сп.) подъ контролемъ государства.“ Такая же армія предвидится и для индустріальной промышленности. Но армія не можетъ существовать безъ офицеровъ, ибо ни „порядокъ“ не будетъ сохраненъ, ни само производство не будетъ обезпечено и, вслѣдствіе этихъ положеній, личность должна будетъ вновь вернутся къ эпохѣ рабства.

Наконецъ, чтобъ покончить съ государствомъ, Спенсеръ дѣлаетъ самому себѣ слѣдующее возраженіе: „Но правительство будетъ хозяиномъ, выбраннымъ, не только самимъ собою, но всѣми членами общества, дѣйствія котораго будутъ ограничены: правительство будетъ контролеромъ, какъ самого себя, такъ и другихъ, постольку, поскольку это будетъ въ интересахъ каждаго въ отдѣльности, и всѣхъ въ общемъ.“

Первое самовозраженіе Спесера заключается въ томъ, что каждый членъ общества, разсматриваемый какъ отдѣльная личность будетъ рабомъ цѣлаго общества и что это, будто-бы, можетъ быть доказано системой воинственныхъ обществъ quasi-народнаго управленія. Второе-же самовозраженіе заключается въ томъ, что администрація будущаго общества не останется надолго таковой, какова она представлена въ с а м о в о з р а ж е н і я х ъ Спенсера. „Соціалистическая спекуляція имѣетъ такой-же недостатокъ, какой имѣетъ и спекуляція „практическаго“ политикана. Они (т. е. соціалисты и „практическіе“ политиканы Ст. С.) думаютъ, что бюрократизмъ будетъ функціонировать, на самомъ дѣлѣ, такъ, какъ они хотятъ, чего, конечно, никогда не бываетъ.“ Мало того; мы имѣемъ—говоритъ, немного дальше, Спесеръ—очень

важные мотивы повѣрить, что тѣ, которые въ будущей соціалистической организаціи возьмутъ власть въ своихъ рукахъ, не постѣсняются употребить всѣ свои старанія, чтобы достичь верховъ своего властолюбія.

Читая вообще всѣ четыре статьи Спенсера l'Individu contre l'Etat, удивляешься и невольно спрашиваешь себя, какимъ образомъ авторъ этихъ статей,—который допускаетъ и возможность войны въ будущемъ государствѣ *) — забылъ провозгласить монарха, что бы картина будущго „соціалистическаго царства., была полна....

Я нарочно остановился такъ долго на Спенсерѣ, ибо онъ одинъ изъ самыхъ в а ж н ы х ъ (?) критиковъ концепціи матеріалистическаго объясненія общественныхъ системъ. Съ тѣхъ, поръ какъ появились въ свѣтъ статьи Спенсера противъ государства и будущей общественной организаціи, которую Спенсеръ называетъ тоже „государствомъ". прошло равно двадцать одинъ годъ —и, за исключеніемъ, L'Unique et sa propriété Штирнера, у котораго Спенсеръ не мало заимствовалъ, характерно то, что не было ни одной, столь смѣлой и, въ нѣкоторомъ отношеніи, оргинальной, критики некапиталистическаго общества. Статьи Спенсера характерны и въ томъ отношеніи, что они вышли изъ-подъ пера, такъ называемыхъ, буржуазныхъ анархистовъ-индивидуалистовъ.

Какъ заявляетъ самъ Спенсеръ Гайдману и Franc-Fairman'у по поводу ихъ критики на его статьи **)—онъ

*) Достаточно — говоритъ Спенееръ въ концѣ второй статьи — объявить войну какому нибудь сосѣднему обществу,или—нѣсколько безпорядковъ внутри страны, для которыхъ нужна была бы сила водворить порядокъ, что бы однимъ взмахомъ превратить каждое соціалистическое правительство въ правительство тиранiи, какъ было при старомъ перуанскомъ правительствѣ.

) **Hydman. Socialisme and Slavery. — Franc-Fairman. Herber Spenser.

обявляется такимъ-же противникомъ современнаго государства, какъ и соціалисты; но для Спенсера всякое понятіе о государствѣ связано съ понятіемъ о рабствѣ личности.

Намъ кажется, что здѣсь не мѣсто критиковать идеи Спенсера о государствѣ; мы уже замѣтили, что въ своей критикѣ Спенсеръ занялъ невѣрную позицію, разсматривая будущее общественное устройство въ томъ видѣ,въ какомъ онъ излагаетъ его въ своихъ статьяхъ, какъ идеалъ къ которому современный пролетаріатъ стремится. Кромѣ того, Спенсеръ, по примѣру философовъ XVIII столѣтія, выходитъ изъ принципа „о человѣческой природѣ," — такъ, по крайней мѣрѣ, Спенсеръ понимается въ нѣсколькыихъ мѣстахъ его статей.

Поскольку вѣрны положенія Спенсера, мы убѣдимся ниже, гдѣ попутно будетъ отвѣчено и взглядамъ Спенсера.

Максъ Штирнеръ,—котораго справедливо считаютъ отцомъ анархизма, — въ личности человѣка разсматриваетъ самое высшее существо; этика-же человѣчества, въ ея прошломъ, настоящемъ и будущемъ, есть ничто иное, какъ, „иго" личности. Государство, по словамъ Штирнера, есть тиранія: все равно, будетъ-ли государство буржуазное или демократическое; будетъ-ли „деспотомъ" только одинъ, нѣсколько, или всѣ сразу, какъ при „соціальной" республикѣ.

Единомышленникъ и современникъ Штирнера, Прудонъ, не менѣе автора „Единственный и его собственность" (L'Unique et sa propriété), противникъ государства. Но Прудонъ, хотя, свои политическія теоріи черпалъ у Штирнера, прошелъ философскую школу Канта, и подражая, своему учителю, который болѣе не спрашивалъ „что такое Богъ"? и „Какая самая лучшая религія", а взялся за обясненіе о возникновеніи идеи о Богѣ; Прудонъ также не спрашиваетъ, что такое государство и какая самая лучшая государственная система, но прямо отвѣ-

чаетъ на вопросъ, какъ возникла идея о государствѣ. Прудонъ доходитъ до полнаго отрицанія государства и возстаетъ противъ всякой попытки чѣмъ нибудь органичить личность.

Что касается взглядовъ Бакунина на государство. то за недостатка мѣста, мы ограничимся здѣсь однимъ лишь историческимъ эпизодомъ, главнымъ лицомъ котораго является Бакунинъ. Эпизодъ можетъ быть поучителенъ во многихъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе при данномъ вопросѣ. „Въ качествѣ члена Лиги мира и свободы, Бакунинъ предложилъ этой чисто буржуазной ассоціаціи, на Бернскомъ Конгресѣ 1869 года, вопросъ объ „экономическомъ и соціальномъ уравненіи классовъ и личностей". Нѣкоторые изъ делегатовъ возмутились, будто бы Бакунинъ проповѣдываетъ «коммунизмъ», на что онъ отвѣтилъ слѣдующими недостойными словами: „На меня нападаютъ, что я коммунистъ, потому что я хочу экономическаго и соціальнаго уравненія классовъ и личностей, а также и потому, что я въ согласіи съ Брюссельскимъ Конгресомъ, объявился сторонникомъ коллективной собственности. Меня спрашиваютъ: „какую разницу находите вы между коммунизмомъ и коллективизмомъ?" Я ненавижу коммунизмъ, потому, что онъ отрицаетъ свободу, и потому. что для меня, ничего не существуетъ внѣ свободѣ. Я не коммунистъ, такъ какъ коммунизмъ сосредоточиваетъ и поглощаетъ всѣ силы общества въ государствѣ, и изъ него неизбѣжно вытекаетъ централизація собственности въ рукахъ государства: — я требую уничтоженія принципа власти и опеки со стороны государства, которое подъ благовиднымъ предлогомъ просвѣщенія и морали людей, держитъ ихъ въ рабствѣ, угнетеніи, эксплоатаціи и развратѣ. Я хочу организовать общество на началахъ коллективной собственности съ низу вверхъ, посредствомъ свободной ассоціаціи, а не сверху внизъ, посредствомъ какой бы то не было власти. Требуя

уничтоженія государства, я хочу уничтоженія личной наслѣдственной собственности, которая является государственнымъ учрежденіемъ вслѣдствіе самаго принципа о государствѣ. Вотъ въ какомъ смыслѣ, г.г., я коллективистъ, а не коммунистъ". *)

Прежде всего нужно замѣтить, что слово коллективизмъ имѣло раньше совсѣмъ другое значеніе, какое оно имѣетъ теперь. Девилль, въ приложеніи къ одному изъ изданій «манифеста» на французскомъ языкѣ, **) говоритъ, что первый разъ, слово «коллективизмъ» было употреблено Гедомъ въ журналѣ l'égalité, издававшагося въ концѣ 1877г. Теперь слова „комунизмъ" и „колективизмъ" означаютъ одно и тоже понятіе.

Итакъ, Бакунинъ возстаетъ, не только, противъ государства, но онъ „ненавидитъ" коммунизмъ, только потому, что коммунизмъ не обезпечивалъ полной свободы личности, а хотѣлъ, будто бы, ограничить ее въ предѣлахъ государства.

Но если Спенсеръ, Максъ Штирнеръ, Прудонъ и Бакунинъ смотрѣли на государство, какъ на институтъ ограничивающій свободу личности, то для Гегеля, государство являлось какъ надстройка разумности нравственнаго міра, въ которомъ гармонія совокупности индивидуальныхъ силъ порождаетъ общую силу государства: либо путемъ правильнаго раздѣленія общественной жизни и правъ отдѣльныхъ личностей, либо путемъ строго соразмѣрнаго соотношенія общественныхъ функцій этихъ индивидуумовъ. Такимъ образомъ, по Гегелю, личность въ „разумномъ" государствѣ пріобретаетъ самый широкій просторъ для достиженія высшихъ принциповъ человѣка. Философская заслуга Гегеля заключается въ томъ, что Гегель выходя изъ принципа пониманія вещей, не въ ихъ настоящемъ видѣ, а въ возмож-

*) Plékhanoff. Socialismus et Anarchismus.

**) G. Deville. Aperçu sur le Socialisme scientifique. Приложеніе къ Манифесту изданіе Bibliothèque populaire № 4. Bruxelles. 1896.

номъ ихъ, благодаря историческимъ условіямъ данной эпохи, измѣненіямъ, превозшелъ всѣ философскія системы, которыя разсматривали вещи какъ застывшія абстракціи, сами по себѣ, и независимо отъ окружающей ихъ природы. Но Гегель и до конца своей жизни не могъ вполнѣ освободиться отъ идеализма; и не удивительно если въ своихъ письмахъ къ Нитгамеру Гегель искренно восхищается Наполеономъ, какъ и его побѣдителемъ герцогомъ Велингтономъ.

Свои политическія воззрѣнія Гегель завѣщалъ Лассалю, который до такой степени проникся и увлекся ими, что возвелъ ихъ въ принципъ своей агитаціонной дѣятельности. Въ „Программѣ Работниковъ“*) Лассаль,—слѣдуя примѣру Гегеля разсматривать, вообще, всѣ общественныя явленія въ связи съ природой,—по примѣру того-же Гегеля, онъ провозглашаетъ, что :„Государство есть единство личностей въ одномъ нравственномъ цѣломъ, единство, умножающее въ милліоны кратъ силы всѣхъ личностей, вступившихъ въ это единеніе, въ милліоны кратъ увеличивающее индивидуальныя силы каждой изъ нихъ.

Слѣдовательно, цѣль государства не въ томъ, что-бы охранять личную свободу и собственность индивидуума, которыми, по буржуазной идеѣ, индивидуумъ, будто-бы, уже обладаетъ при вступленіи своемъ въ государствѣ; нѣтъ, цѣль государства въ томъ, что-бы соединеніемъ индивидуумовъ доставить имъ возможность достигать ступеней существованія, недостижимыхъ для одинокой личности, дѣлать ихъ способными пріобрѣтать такую сумму просвѣщенія, силы и свободы, которая не мыслима для отдѣльнаго индивидуума.

Итакъ, цѣль государства—положительно развивать и постепенно совершенствовать человѣка; другими словами,—осуществлять назначеніе человѣка, т. е. культуру къ которой человѣческій родъ спосо-

*) Ф. Лассаль. Принципы Труда въ современномъ обществѣ. (Программа Работниковъ.) Издательство „Колоколъ.“ Москва 1905.

бенъ; государство есть воспитатель и развиватель человѣчества къ свободѣ.

Вотъ, г. г., настоящая нравственная сущность государства, его истинная и возвышенная задача. Это такъ вѣрно, что, государство, болѣе или менѣе, служило этой цѣли во всѣ времена, силою самыхъ вещей, даже невольно, даже безсознательно, даже противъ желанія своихъ вождей."

Мы видѣли, что для Гегеля государство было благодѣяніемъ для человѣческаго рода, ибо въ немъ гражданинъ имѣетъ возможность достичь высшаго принципа человѣческаго бытія. Лассаль, съ своей стороны, въ государствѣ видитъ полную гарантію воспитанія личности въ духѣ свободнаго гражданина прежде всего и больше всего. Даже сама формулировка словъ Гегеля отразилась, и по своей конструкціи и по изложенію, въ словахъ Лассаля.

Но Гегель былъ послѣдовательнымъ гегеліанцемъ, тогда какъ Лассаль былъ только имъ отчасти, и неудивительно, если Лассаль велъ такую странную политику, какъ всѣмъ извѣстную попытку, соединить рабочій классъ съ властвующей партіей, противъ либераловъ.

Мютюелистъ Цезарь де-Папъ основатель бельгійской рабочей партіи, уже смотритъ болѣе логически, какъ на современное государство, такъ и на будущее внѣклассовой организаціи. Въ своемъ рапортѣ седьмому международному конгресу рабочихъ въ Брюсселѣ, 7—13 сент. 1874 *) Ц. де-Папъ разсматриваетъ будущее государство какъ результатъ классовой борьбы, какъ „государство рабочее, государство, основанное на соединеніи свободныхъ рабочихъ общинъ, взявшихъ окончательно завѣдываніе всѣми крупными соціальными предпріятіями." Но рядомъ съ такимъ пониманіемъ будущаго государства, Ц. де-Папъ является

*) De Paepe. De l'organisation des services publics dans la Société future. Изъ Compte-rendu officiel du VII Congrès général de l'Association Internationale des Travailleurs. Verviers 1875.

въ большой или меньшей степени,утопистомъ. Въ томъ-же самомъ рапортѣ Ц. де-Папъ пишетъ; „Впрочемъ. какіе бы ни были принципы, которыми будутъ руководствоваться будущія ассоціаціи, будутъ ли эти принципы въ области физической географіи, этнологіи, исторіи или политической экономіи; какая бы ни была интимная структура будущаго соціальнаго организма и моллекулярная групировка важнѣйшихъ органовъ этого организма, — всегда эти органы группировки (для того что бы удовлетворять эрархическому порядку интересовъ: мѣстныхъ, районныхъ и общечеловѣческихъ), они должны быть всего три: о б щ и н а, органъ чисто мѣстныхъ интересовъ; государство, органъ національныхъ интересовъ (т. е. удовлетворяющихъ интересамъ самыхъ близкихъ общинъ имѣющихъ общность между собою Ст. С.); и наконецъ в с е м і р н а я к о н ф е д е р а ц і я, органъ общечеловѣческихъ интересовъ."

Раздѣливъ такимъ образомъ міръ на три „органа"Ц. де-Папъ вмѣняетъ каждому изъ нихъ строго опредѣленныхъ объязанностей въ будущемъ. Въ этомъ и заключается вся утопія де-Папа, для котораго понятіе о современномъ государствѣ и понятіе о будущей „рабочей" организаціи сливаются въ одну аналогичную физіономію съ той только разницей, что современное государство основанно и зиждется на началахъ производительныхъ отношеній, а будущее „государство" будетъ основано только на принципѣ „соединенія свободныхъ рабочихъ общинъ" и ,слѣдовательно, на національномъ принципѣ.

Сквозь этихъ строкъ проглядываетъ Гегель, и отчасти Ласаль. Повидимому Спенсеръ черпалъ съ подобныхъ источниковъ свой запасъ о будущей организаціи, сооружая по своему, какъ мы видѣли, будущее „соціалистическое царство", а затѣмъ безпощадно критикуя его.

Взглядъ Роберта Блатчфорда*) на государство, можно

*) Robert Blatchford. Merrie England, Bruxelles 1899.

разсматривать какъ взглядъ современнаго соціалиста, марксиста, хотя въ міровзрѣніи Блатчфорда сохранился оттѣнокъ утопіи. Въ своей геніальной брошюркѣ „Радостная Англія (Merrie England) авторъ очень ясно и съ глубокой увѣренностью утверждаетъ, что будущій соціальный строй будетъ востановленъ не „внезапной революціей", а незамѣтно и постепенно разовьется отъ современнаго государственнаго строя, путемъ планомѣрной и систематической эволюціи общественныхъ отношеній. Планомѣрную-же эволюцію общественной жизни Блатчфордъ видитъ въ экономической необходимости классовыхъ отношеній. Что касается практической стороны вопроса, Блатчфордъ—парламентаристъ, т. е. въ парламентѣ онъ видитъ могучую силу, которую пролетаріатъ долженъ использовать до конца въ своей борьбѣ съ капиталомъ. Но Блатчфордъ, какъ это дѣлали и его предшественники, какъ только вопросъ каснется будущей организаціи, спѣшитъ дать, въ большей или меньшей степени, положительный отвѣтъ. Правда, Блатчфордъ дѣлаетъ это съ оговоркой, что поднимая вопросъ о будущемъ государствѣ, онъ поднимаетъ его съ большой „неохотой," однако, онъ очень охотно отвѣчаетъ на всѣ детали.

До сихъ поръ, мы разсмотрѣли почти всѣ главнѣйшія теченія человѣческой мысли о государствѣ, начиная съ буржуазнаго и кончая теченіемъ, крайней лѣвой, утопистовъ. Наша работа наполовину исполнена, и намъ остается теперь расмотрѣть вопросъ съ чисто пролетарской точки зрѣнія, послѣ чего мы расмотримъ второй вопросъ—вопросъ объ обществѣ.

Намъ бы очень хотѣлось разсмотрѣть здѣсь и взгляды на будущую общественную организацію великихъ утопистовъ Беллами*) и В. Моръ**), но къ сожаленію, за неимѣніемъ мѣста, мы принуждены, также, отказаться и отъ кри-

*) Bellamy. En l'an 2000. (За сто лѣтъ).
**) W. Morris. En Utopie. (Въ утопіи. Вѣсти ни откуда).

тики мнѣнія Кропоткина,*) которое характерно въ томъ отношеніи, что оно основано на положительныхъ, будто бы, качествахъ человѣческой природы. Мы также ничего не упоминаемъ о работѣ Атлантикуса **) которая, во всѣхъ отношеніяхъ, превосходитъ почти всѣ другія работы по этому вопросу своей идеей о конечной цѣли пролетаріата.

Какъ мы уже замѣтили, Энгельсъ въ своихъ трудахъ: «Происхожденіе частной собственности семьи и государства», въ «Развитіи научнаго соціализма», въ «Людвигѣ Фейербахѣ» и вообще, гдѣ только имѣлъ случай, онъ неопровержимо доказывалъ, что государство не является плодомъ какихъ нибудь другихъ причинъ кромѣ экономической необходимости. «Государство и государственное право—говоритъ Энгельсъ ***) —опредѣляются экономическими отношеніями». Государство является первой идеологической силой, подчиняющей себѣ людей. Общество создаетъ органъ для защиты своихъ интересовъ отъ внутренныхъ и внѣшныхъ нападеній. Этотъ органъ естъ государственная власть. Едва возникнувъ, она старается стать въ независимое отношеніе къ обществу, и тѣмъ болѣе успѣваетъ въ этомъ, чѣмъ болѣе она является органомъ одного какого нибудь класса, и чѣмъ болѣе она поддерживаетъ государство этого класса. Борьба угнетеннаго класса противъ класса угнетающаго неизбѣжно становится прежде всего политической борьбой, борьбой противъ политическаго господства угнетателей. »)

Въ своемъ спорѣ съ Дюрингомъ, гдѣ собрано систематичести почти все философское міросозерцаніе Маркса, Энгельсъ доказалъ, что не насиліе, какъ этого утверждалъ его противникъ, родило рабство и власть. Насиліе служитъ только средствомъ, цѣль-же заключается въ пріобретеніи экономическихъ выгодъ». Такимъ образомъ, ни

*) Kroptkine. La conquête du pain.
**) Атлантикусъ. Государство Будущаго.
***) Энгельсъ. Людвигъ Фейербахъ II изд. Р. С. Д. Р. П.

теорія «о насиліи», ни теорія «о человѣческой природѣ» ни теорія «о совершенствѣ системъ», ни теорія «о эгоизмѣ», ни какая бы-то ни была другая теорія, не могутъ объяснить намъ, хотя бы, и самыя простыя явленія исторіи человѣчества.

Если это такъ, (а это не можетъ быть иначе), то, прежде всего, является необходимость приложенія правильнаго метода для объясненія исторіи, и вообще для объясненія, всѣхъ существующихъ общественныхъ институтовъ. Этотъ методъ, открытый Марксомъ и Энгельсомъ, есть методъ матеріалистическаго пониманія исторіи, который ищетъ и объясняетъ причинную связь между событіями и условіями ихъ сопровождающими; характеризуемый Марксомъ слѣдующими словами: «Общественная жизнь людей зиждится на извѣстныхъ, необходимыхъ, и помимо ихъ воли, отношеніяхъ: отношенія производствъ которыя соотвѣтстуютъ различнымъ степенямъ развитія промышленности.“*)

Только занявъ такую позицію мы можемъ объяснить различныя стадіи общественной жизни и создающія ея общественныя отношенія, какъ въ ихъ прошломъ, такъ въ ихъ настоящемъ видѣ и въ неизбѣжномъ будущемъ. Этотъ именно мтодъ мышленія и есть методъ научнаго соціализма, пролетарскаго міросозерцанія.

Говоря о государствѣ, современный пролетаріатъ отрицаетъ всякое классовое государство, основанное для порабощенія большинства капиталу; но говоря о будущей общественной системѣ, мы можемъ только сказать, къ чему; стремится и каковъ будетъ логичеекій результатъ капиталистическаго отношенія людей. Мы знаемъ, что будущее общество должно быть, и безусловно будетъ, внѣклассовое знаемъ также, что всѣ способы производства, индустріальной или селлко-хозяйственной промышленности а также и самые

*) Marx. Critique de l'économie politique.

продук производства, будетъ принадлежать всѣму обществу, но разъ только вопросъ каснется объ распредѣленіи труда и продуктовъ этого труда, то мы можемъ опредѣлить лишь съ той точностью и разницей, какой въ математикѣ получается при извлеченія корня или при возведені въ степень, разсуждая простымъ ариѳметическимъ способомъ или дѣлая логариѳмическое вычисленіе; т. е. для большихъ чиселъ, разница тоже большая, такъ и въ общественномъ отношеніи: чѣмъ эпоха отдалённѣе, тѣмъ реальность предсказанія болѣе относительная. Мало того: „Нельзя даже дать, говоритъ Каутскій, точной схемы хода пролетарскаго движенія современности и ближайшаго будущаго,“*)

Но тѣмъ не менѣе революціонная соціальдемократія, никогда не отказывается и не д о л ж н а отказатся, излагать въ той или иной литературной формѣ, идеалы своей конечной цѣли, собразуясь, конечно съ тѣмъ, что-бы изложеніе это не превратилось въ грубую фантазію.

«Только тамъ и только тогда вооружается соціальдемократія, — пишетъ Каутскій въ предисловіи книги Атлантикуса «Государство будущаго», **)—когда они хотятъ быть больше, нежели описаніями того, что м о г л о б ы б ы т ь, когда они выступаютъ съ претензіей стать обязательными для соціалистическаго движенія и дать основу его практической дѣятельности, какъ выступалъ напр. Дерцка въ своей поверхностной утопіи „Freiland“ (Свободноя страна).“

Но рисовать картины будущаго строя, пускаться въ деталяхъ будущей общественной жизни и вообще въ общественныхъ отношеніяхъ людей другъ къ другу и т. д. значило бы тратить даромъ время.

Вотъ что говоритъ Энгельсъ по этому вопросу:***)

*) Каутскій. Интеллигенція и Пролетаріатъ. II изданіе книгоиздательства „Демоса“ Одесса 1905.

**) Каутскій. Соціальная революція. Изданіе Р. С. Д. Р. П. Женева-1903. Приложеніе I

***) Энгельсъ. Развитіе Научнаго Соціализма.

«Обращая постоянно возростающееб ольшинство, капиталистическій способъ производства создаетъ силу, которая должна совершить этотъ переворотъ (завладѣніе средствъ производства для поддержанія и расширенія производства. съ одной стороны, и завладенія продуктами производства для удовлетворенія первыхъ потребностей и роскоши, съ другой стороны. Ст. С.) подъ страхомъ гибели. Все болѣе и болѣе толкая крупныя обобществленнія средствъ производства на путь перехода въ государственную собственность, капитализмъ самъ указываетъ путь къ совершенію этого переворота. Пролетаріатъ овладѣваетъ государственной властью и превращаетъ средства производства сперва въ государственную собственность. Но тѣмъ самымъ онъ прекращаетъ свое существованіе какъ только пролетаріата, уничтоживъ различія классовъ и ихъ антагонизмъ, уничтожаетъ этимъ само государства, кк.государство Сдѣлавшись, наконецъ, дѣйствительнымъ представителемъ всего общества, государство станетъ излишнимъ.... Первый актъ, въ которомъ государство выступаетъ дѣйствительнымъ представителемъ всего общества, — обращеніе средствъ производства въ общественную собственность — будетъ его послѣднимъ самостоятелтнымъ дѣйствіемъ въ качествѣ государства. Вмѣшательство государственной власти въ общественныя отношенія дѣлаются мало по малу, излишнимъ и прекратится само собою. Государство не будетъ »уничтожено» — оно умретъ".

И на самомъ дѣлѣ, намъ нѣтъ никакой надобности, теперь, сооружать будущій строй нашему потомству, не говоря ужъ о томъ, что у насъ запасъ знаній недостаточенъ для этой цѣли. Прежде всего намъ пришлось бы упустить изъ виду цѣлый рядъ факторовъ, какъ напр, прогресъ въ индустріи изооретеніе новыхъ орудіи производства, которыя могутъ дать другую форму жизни.

Заслуга современнаго человѣчества заключается въ томъ, что оно сумѣло открыть законы, по которымъ развивалась общественная жизнь и также въ силу логики, сумѣло отмѣтить ея будущее развитіе и неизбѣжный ея конецъ, резюме, котораго есть: внѣклассовое общество на коллективныхъ началахъ.*)

***

Принципъ общества т. е. тенденція общественной жизни зиждется не столько на біологическомъ, сколько на чисто экономическомъ. Тѣ, которые знакомы съ законами біологіи знаютъ очень хорошо, какъ сильно развита общественная жизнь въ животномъ и растительномъ царствахъ, но это еще не доказываетъ того, что эта общественность живаго организма не носитъ своего зародыша въ принципѣ „борьбы за существованіе," т. е. въ матеріальной необходимости сообщества. Но тенденція общежитія въ животномъ и растительномъ мірахъ объясняется, болѣе или менѣе инстинктомъ; или другими словами, безсознательнымъ стремленіемъ живой матеріи къ высшей формѣ,—таковъ, по крайней мѣрѣ, общій взглядъ большинства естествоиспытателей—тог-

*) Мнѣ вспоминается замѣчаніе Шмоллера по этому поводу. Шмоллеръ—подсмѣиваясь надъ соціалистами, которые придерживаясь истиннаго матеріалистическаго взгляда на исторію утверждаютъ, что общество должно уступить мѣсто обществу некапиталистическому, спрашиваетъ: Если вѣрно то, что общество неминуемо будетъ некапиталистическое т. е. сдѣлается соціалистическое, то почему-же соціалисты ведутъ такую борьбу для осуществленія ихъ идей? Это тоже самое, что еслибъ мы захотѣли толкать луну, зная, что она вращается вокругъ земли и ея законы вращенія. Мы, съ свей стороны, добавимъ, что, во первыхъ, примѣръ очень неудачно выбранъ, и во вторыхъ, если соціалисты толкаютъ современное общество къ соціализму, они этого дѣлаютъ лишь во имя ближайшей цѣли пролетаріята, которой, никто не станетъ отрицать.

да какъ, у человѣка эта тенденція принимаетъ совершенно сознательный характеръ, вытекающій изъ самаго способа его существованія.

Посмотримъ каковъ есть этотъ «сознательный характеръ» въ общественной жизни человѣка.

Въ пятой книгѣ Лукреція De rerum nature (о природѣ вещей) рядомъ съ описаніемъ происхожденіи міра, его первой эпохи, появленія жизни на нашей планетѣ и т. д. Лукрецій говоритъ, что о б щ е с т в о в ы д у м а л и л ю д и. Собственно говоря, Лукрецій въ красивой формѣ передалъ только философское ученіе Эпикура, дѣлая дополненія, а мѣстами незначительныя измѣненія. Но Лукрецій не объясняетъ какая причина заставила людей «выдумывать» общество: онъ не былъ матеріалистомъ и, слѣдовательно, мы должны придти къ тому заключенію, что общество создалось, благодаря самой природѣ человѣка.

Наступившая реакція теологизма заковала въ кандалахъ человѣческую мысль на много вѣковъ, пока наконецъ Петраркъ и его ученикъ Бокаччіо разорвали цѣпи и освободили человѣчество отъ ига церкви. Начался періодъ «возрожденія»: античная цивилизація проникла въ Европу и въ скоромъ времени обхватила ее. Воскресшая человѣческая мысль поспѣшила догнать ушедшее, цѣлымъ рядомъ философскихъ системъ, генезисъ которыхъ, въ большой или меньшей степени, мы находимъ въ древней философіи.

Вопросы жизни однимъ за другимъ выступали на очереди и ждали своего разрѣшенія. Кто станетъ отрицать, что такіе вопросы, какъ вопросъ »о религіи», «о государствѣ», «объ обществѣ» и т. д. не должны стоять на первомъ мѣстѣ? Такъ и было на самомъ дѣлѣ.

Гоббсъ, Гегель, Дюркеимъ, Эспинасъ, Кондорсе, Локкъ, Лиліенфелдъ, Новиковъ, Паскаль, Руссо, Ренувье, Спенсеръ, Спиноза, Тардъ и др. въ томъ или иномъ

случаѣ, болѣе или менѣе, занимались вопросомъ объ обществѣ.

Гоббсъ напр. который утверждалъ, что человѣкъ по природѣ есть злое существо*), а за нимъ Локкъ и пр. смотрѣли на общество какъ на учрежденіе, основанное человѣческимъ умомъ, какъ бы въ противовѣсъ только „природному состоянію человѣка“ (Etat de nature),которое, по понятіямъ этихъ философовъ, было синонимно войнѣ. Для Спинозы общество является не въ противопоставленіемъ дурнымъ качествамъ человѣка, но для достиженія высшихъ. „Цѣль общества—говоритъ Спиноза*) —que l'homme devienne un Dieu pour l'homme“ т. е. чтобы человѣкъ казался Богомъ другому человѣку.

Вообще, разные философы различно понимали этотъ вопросъ; а многіе изъ нихъ смѣшивали общество съ государствомъ о которомъ мы уже, довольно говорили, и поэтому, я считаю, лишнимъ, теперь отдѣльно излагать ихъ мысли, хотя это очень интересно и любопытно. Я ограничусь лишь тѣмъ, что можетъ имѣть непосредственную связъ съ даннимъ вопросомъ.

„Общество, пишетъ Руссо въ contrat social, зиждется на основѣ договора, заключеннаго между имъ и индидиуумомъ Абсолютная индивидуальная свобода несовмѣстима съ общественной жизнью. Члены даннаго общества, жертвуютъ своими естественными правами въ пользу послѣдняго, которое съ своей стороны гарантируетъ имъ гражданскія права. Тотъ кто не соблюдаетъ этотъ договоръ, считается внѣ общества. Всякій злодѣй, для общества измѣнникъ. Приговоръ есть актъ, который объявляетъ, что преступникъ лишенъ покровительства общественнаго договора.“

Эти строки Руссо характерны въ томъ отношеніи, что рядомъ съ своимъ революціоннымъ духомъ, они

*) Spinoza. Traité de Dieu, de l'homme et de la béatitude. Traduction par Saisset, 1842.

пропитаны консерватизмомъ XVIII столѣтіи. Но они логичны эпохѣ въ которой жилъ Ж. Ж. Руссо.

Въ эпохѣ феодализма право „гражданина“ было правомъ благодати, и неудивительно если въ пользу этой благодати всякая отдѣльная личность, получившая ее отъ общества должна была чѣмъ нибудь ему отплатить, а это заключалось въ жертвованіи своими естественными правами.

Въ такомъ же смыслѣ выразился и Бекарій, говоря, что общество создадено въ силу контракта. Всякое преступленіе есть нарушеніе этого контракта, вслѣдствіе чего преступникъ отвѣтственъ передъ обществомъ.*)

Но что понимаетъ Руссо подъ формулой „нарушенія общественнаго договора“, какъ его понимаютъ Бекарій и Фихте, (для котораго, каждый кто нарушитъ общественный договоръ теряетъ гарантированныя ему права этимъ договоромъ), не въ попыткѣ-ли разрушить гармонію, но въ всякомъ случаѣ не этичеткія отношеніи людей? Намъ могутъ возразить, нарушеніе этики есть также преступленіе, Да, мы этого не отрьцаемъ, но это нарушеніе настолько опасно для общества, настолько преступленіе связано съ имущественными отношеніями людей.

И такъ Руссо, Бекарій, Фихте, являются прежде всего защитниками частной собственности. Это вполнѣ понятно: они смотрѣли на общество глазами римскаго законодательства, что общество – договоръ заключеннаго, *solo-consensu*, въ силу котораго извѣстное число лицъ соединяютъ свои имущества въ виду будущаго интереса, берутъ также на себя и всю потерю при неблагопріятномъ случаѣ.

Вотъ генезисъ дѣйствительнаго смысла общества. Люди соединяются не въ силу какихъ либо „противопоставленіи“, какъ этого думалъ Гоббсъ, не въ силу высшаго состоянія человѣка“, „богъ въ человѣкѣ“ и т. д. —а только для ихъ матеріальной выгоды.

*) Beccaria. Traité des délits et des peines, Paris 1870.

Но мы знаемъ, что отношенія людей принимали различныя формы; стало быть, что и общественный договоръ подчинялся закону измѣненія, и наряду съ развитіемъ общества усилывалась строгость договора.

„Абсолютная индивидуальная свобода—сказано было въ договорѣ Жанъ Жака—несовмѣстима съ общественной жизнью.“ Это совершенно вѣрно; несогласны съ этимъ развѣ только господа анархисты, для которыхъ, если возможно переустроить міръ въ 24 часа, то возможно, стало быть, всякое „абсолютное“; но долженъ ли, спросимъ мы, членъ общества, основаннаго на капиталистическихъ началахъ, объязательно жертвовать своими правами?

Мы спрашиваемъ «долженъ ли объязательно,» такъ какъ силой власти, во всѣхъ эпохахъ историческаго состоянія человѣка, отдѣльная личность, членъ общества, не только что жертвовалъ обществу много отъ своихъ естественныхъ правъ, что въ «договорѣ» Руссо не предвидѣтся въ жертвахъ, напр. законъ «о бракѣ», «о свободѣ мысли» и т. д. —но также, та самая личность жертвовала и много отъ благъ, которые общество, въ силу, юридическаго договора, должно было дать ей. Плебей въ древніе вѣка, жертвовали свои естественныя права въ пользу римскаго общества, а свои общественныя—въ пользу знатныхъ, въ пользу патрицій. Крѣпостные феодальныхъ временъ, не только, что отдавали рѣшительно всѣ свои естественныя права, вмѣстѣ съ своей личной свободой, въ пользу феодаламъ, но они были лишены всякаго юридическаго права. А современный пролетаріатъ, развѣ онъ пользуется своими правами, несмотря на то, что исключительно онъ держитъ на своихъ могучхъ плечахъ всю цивилизацію современнаго капиталистическаго общества? Развѣ капиталистъ въ сообществѣ съ попомъ и генераломъ не избиваютъ пролетаріата массами, когда онъ заявляетъ о своихъ правахъ? Развѣ не казнятъ его, если кто ни-

будъ, рѣшается въ силу необходимости, нарушить „договоръ“?

Но это—карательная мѣра, которую общество объязано приложить къ извѣстнымъ поступкамъ его членовъ, скажетъ намъ любой представитель буржуазіи. Такъ называемая теорія „общественной самозащиты,“ выходя изъ принципа тождества индивидуума съ обществомъ, на всякое преступленіе смотритъ какъ на случай не противъ отдѣльнаго лица, „пострадавшаго,“ а—направлено противъ самаго общества. И поэтому, если совершеное преступленіе имѣетъ матеріальный характеръ, то преступникъ наказывается соотвѣтственнымъ образомъ. Возмездіе путемъ уголовнаго преслѣдованія должно было удовлетворить нравственныя чувства общества.

Даже философы какъ Кантъ и Гегель находили вполнѣ логичнымъ, и пожалуй, нужнымъ наказаніе. Теорія логической необходимости Гегеля, заключается въ томъ, что преступленіе есть отрицаніе правъ, а наказаніе— отрицаніе этого отрицанія, т. е. возстановленія права. Въ силу этой логической необходимости, преступникъ имѣетъ право считаться обиженнымъ обществомъ, и требовать возмездія за свое преступленіе

Мы, какъ матеріалисты, сторонники діалектическаго метода мышленія, не можемъ согласиться ни съ одной выше изложенной теоріей, такъ какъ для насъ несомнѣнно доказано, что съ уничтоженіемъ современнаго капиталистическаго общества, преступленіе, какъ таковое, уменьшится до минимума, а быть можетъ и совершенно исчезнетъ.

И такъ, общество понимается какъ соглашеніе людей, сожительство которыхъ основанно на началахъ чисто матеріалистическихъ. И коль скоро эти интересы болѣе интенсивны то общество является многочисленнѣе. Оно превращается, наконецъ, во всемірное, если интересы всѣхъ людей пересѣкаются въ одномъ общемъ центрѣ. Общество безс-

мертно, вѣчное, тогда какъ государство только относительное понятіе, которое принимаетъ ту или иную форму, смотря по обстоятельствамъ времени и нуждамъ человѣчества.

***

Остается теперь разсмотрѣть послѣдній вопросъ, вопросъ объ отечествѣ, чтобъ приступить къ цѣли разбираемаго нами вопроса.

Постараемся сдѣлать это какъ можно кратче.

Обикновенно подъ понятіемъ родина, отечество, patria, понимается то мѣсто, въ которомъ человѣкъ родился, но съ актомъ рожденія, человѣкъ связывается съ мѣстомъ своего рожденія только безсознателно, юридически; въ сущности-же, родина понимается какъ мѣсто въ которомъ человѣкъ росъ и жилъ: съ процессомъ жизни, человѣкъ связывается уже сознательно съ даннымъ мѣстомъ. Таково есть, общее выработаное понятіе о р о д и н ѣ, хотя въ строго юридическомъ смыслѣ вопросъ обстоитъ не много иначе.

Когда мы говорили о государствѣ, мы видѣли, что государство есть ничто иное, какъ относительная форма жизни общества; а когда разбирали общество, мы видѣли, что общество есть сожительство людей, побуждаемыхъ къ этому, матеріальными ихъ выгодами;—но когда говоримъ объ отечествѣ, то спрашивается, прежде всего: что связываетъ людей съ извѣстной страной, называемой отечествомъ; какая эта сила, которая держитъ ихъ въ компактную массу?

Отвѣтимъ на этотъ вопросъ.

Мы, еще съ самого начала замѣтили, что вопросъ объ отечествѣ можно разсматривать съ точки зрѣнія

юродической и съ точки зрѣнія психичекой, но мы въ тоже самое время сдѣлали маленькую оговрку, что разсматривая такъ вопросъ, мы теряемъ позицію пролетарскаго міросозерцанія, вступая на буржуазную;—и поэтому, мы разсмотримъ и этотъ вопросъ такъ, какъ,вообще, разсматриваемъ всѣ вопросы общественнаго харатера.

Буржуазное законодательство учитъ насъ, что отечество не характеризуется ни національностью, ни расой ни религіей, ни языкомъ: отечество, это чуство души человѣка, которое можетъ бить только переживаемо. Это понятіе было извѣстно самымъ древнымъ народамъ, которые одно изъ тяжкихъ наказаній считали остракизмъ т. е. лишеніе отечества.

Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Правда-ли то, что понятіе о родинѣ исключаетъ всякое другое понятіе?

Когда намъ говорятъ словами Карамзина „люби свое отечество съ его ошибками и дурными качествами", мнѣ вспоминается,—выражаясь языкомъ современныхъ поэтовъ —слѣдующая восхиттельная картинка: Въ деревнѣ у премилой тетушки,—гдѣ съ одной стороны возвышаются „чудныя" (или безъ оныхъ) горы, съ другой растилается „мрачный" или „задумчивый" лѣсъ, гдѣто вблизи журчитъ ручекъ —тамъ гдѣ баринъ или бариня провели свое дѣтство и юность съ гувернантками и иностранными учителями, скучая отъ бездѣлія, незная какъ и на что провести свое време, и въ другъ имъ „суждено" покинуть, добровольно или противъ воли столь обѣтованное мѣсто и т. д... безусловно, такимъ людямъ. немудренно любить свою родину. Но не такъ обстоитъ дѣло, когда вопросъ касается обикновеннаго смертнаго, у котораго, не только, что нѣтъ никакой „тетушки" ни въ какой деревни, но сомнительно, есть-ли обезпеченный уголъ, гдѣ бы онъ могъ отдохнуть спокойно, послѣ трудоваго дня.

Ми позволимъ себѣ взять болѣе конкретный примѣръ.

Русская молодежь, нѣтъ сомненія, что любитъ свою родную Россію, и это, конечно, очень похвально съ ея стороны; она помогаетъ ей всѣмъ чѣмъ только можетъ: тамъ на родинѣ, она приноситъ въ жертву на алтарѣ отечества, свою молодость, силу, даже жизнь; будучи заграницей, она дышетъ атмосферой своей страны, живетъ ея жизнью, трепещетъ когда она переживаетъ тяжелыя минуты... Но спрашивается теперь, почему-же русская молодежь любитъ свою родину? Стало быть представители русской молодежи патріоты? Но мы не согласны съ этимъ; по крайней мѣрѣ, громадное большинство изъ нихъ не имѣютъ условій гордиться этимъ буржуазнымъ прозвищемъ!

Отвѣтъ на эти вопросы мы постараемся отыскать не въ душѣ человѣка, т. е. не въ его «природѣ», а въ самыхъ условіяхъ его жизни, въ его, такъ сказать, экономическомъ воспитаніи.

Начнемъ нашъ анализъ съ насъ самихъ, такъ какъ мы являемся самой подходящей почвой для подобнаго анализа.

Когда мы говоримъ, что любимъ нашу родину, мы, тѣмъ самымъ, безсознательно дѣлаемъ признаніе, что мы сознали наши матеріальные выгоды любить свою родину. И на самомъ дѣлѣ, мы не любимъ нашу родину только какъ страну: въ ней мы любимъ всю обстановку постолько, поскольку она оказываетъ вліяніе на нашу жизнь. Прежде всего, намъ знакомъ ея языкъ, какъ родной, намъ знакомы ея нравы и обычаи, ея культура: прошлая, настоящая, и слѣдовательно, только тамъ находимъ мы подходящую почву для приложенія нашей трудовой дѣятельности, которая съ своей стороны обезпечиваетъ намъ то или иное существованіе. Швейцарецъ и бельгіецъ, чувствуютъ себя во Франціи, какъ у себя дома, а нѣмецъ во Франціи тоскуетъ по родинѣ; — это только потому, что швейцарецъ (изъ французскихъ кантоновъ), бельгіецъ (изъ валлонскихъ

провинціи) и французъ, не только, что имѣютъ много общаго, но могутъ прекрасно сговориться и понять другъ друга и, слѣдовательно, шансы существованія швейцарца и бельгійца во Франціи гораздо больше чѣмъ у нѣмца, которому прежде всего чуждъ языкъ.

И чѣмъ человѣкъ интеллигентнѣе, т. е. чѣмъ менѣе онъ умѣетъ пользоватся своей физической силой и привыкъ только къ умственному труду, тѣмъ болѣе онъ нуждается въ отечествѣ.

Только выходя изъ таковаго принципа нашихъ разсужденій, мы можемъ объяснить понятіе любвы къ родинѣ.

•Чувство любви къ родинѣ у мелкой буржуазіи сильнѣе развито, чѣмъ въ болѣе высшихъ кругахъ общества. Это намъ еще разъ доказываетъ, что идеалы мелкой буржуазіи, ограничиваясь лишь очень узкимъ кругомъ пространства, привязываются и дорожатъ этимъ пространствомъ; и поэтому патріотизмъ лавочника сильнѣе чѣмъ патріотизмъ капиталиста, для котораго нуженъ просторъ. Но патріотизмъ лавочника планомѣрнѣе патріотизма интеллигента. Для интеллигента, патріотическое чувство рождается стихійнымъ образомъ; но какъ только его индивидуальные потребности удовлетворены, подобнымъ-же стихійнымъ образомъ, его патріотическое чувство умираетъ.

Для пролетаріата, сознавшаго свое историческаго значеніе, патріотическое чувство, не можетъ служить двигателемъ его жизни: пролетарій, свое дѣтство проводитъ въ непосильномъ трудѣ;—разумѣется, что „благородное“ чувство патріотическаго самосознанія, не можетъ пробудиться у него.

Воть почему, во всякомъ движеніи патріотическаго характера, главнымъ элементомъ являлся мелкій производитель и торговецъ, а во главѣ этого движе-

нія всегда стояла интеллигенція; тогда какъ крупная буржуазія принимала участіе лишь постольку, поскольку это касалось ея торговыхъ дѣлъ внутры страны. Пролетаріатъ-же, въ большинствѣ случаевъ, относился индифферентно къ такимъ движеніямъ, а очень часто, являлся его противникомъ, такъ какъ всякое патріотическое движеніе, выражается-ли въ той или иной формѣ, есть движеніе буржуазное, которое всегда сопровождается классовыми интересами эксплуатирующихъ классовъ.

Но здѣсь является другой, одинаково важный и интересный вопросъ: *въ какомъ отношеніи находится патріотизмъ къ націонализму?*

Безусловно, всякое патріотическое движеніе есть, въ большинствѣ случаевъ, движеніе національное, и поэтому, подъ понятіемъ *патріотизмъ, патріотическое движеніе*, мы, въ большой или меньшей мѣрѣ, подразумѣваемъ *націонализмъ, національное движеніе*; исключенія-же изъ этого правила мы разсматриваемъ, какъ отдѣльные случаи, согласно съ ихъ внѣшней формой.

Во избѣженіе недоразуменій, мы считаемъ не лишнимъ прибавить, что по своему содержанію, націонализмъ и патріотизмъ, хотя и дополняютъ другъ друга, но имѣютъ различныя значенія; по внѣшней-же формѣ, они почты синонимны.

Наглядный примѣръ этому можетъ служить *сіонизмъ*, хотя этотъ вопросъ на первый взглядъ кажется чуть ли не единственный, исключительный случай, который не подлежитъ никакому анализу.

Сіонизмъ какъ движеніе, есть движеніе одновременно и антипатріотическое и національное, т. е. является какъ одно изъ тѣхъ исключеній, возможность которыхъ мы только, что допустили. Антипатріотическимъ, оно является по отношенію къ той странѣ, въ которой движеніе разви-

вается, а національнымъ, конечно, по отношенію къ еврейской націи. Однако, это есть только частный случай въ еврейскомъ вопросѣ, ибо большинства сіонистовъ, въ тоже самое время, и патріоты; т. е. противники того сіонизма, который имѣетъ ввиду какъ будущую территорію еврейской націи ея древнюю территорію— Палестину.

Если теперь присмотримся къ дѣйствительной жизни еврйскаго народа, то мы увидимъ, что разсужденія наши не лишены основанія.

Къ сіонизму примыкаютъ лишь только одни интеллигенты, которые будучи лишены политической равноправности въ своемъ юридическомъ отечествѣ, не могутъ найти приложенія для своихъ способностей. Къ сіонизму примыкаетъ изрѣдка, также и крупная буржуазія, для которой безразлично кого и гдѣ будутъ они эксплоатировать: христианина-ли въ Европѣ или Еврея въ Палестинѣ. Замѣчателенъ еще и тотъ фактъ, что чѣмъ ограниченнѣе въ государствѣ политическая равноправность, тѣмъ сильнѣе развитъ тамъ сіонизмъ. Россія и Германія въ этомъ отношеніи, стоятъ на первомъ мѣстѣ.

Мелкая-же еврейская буржуазія, какъ только сіонизмъ заговариваетъ о далекой территоріи, то она спѣшитъ заявить что ея сіонизмъ заключатся только въ предѣлахъ страны въ которой она находится; такимъ образомъ, для еврейской мелкой буржуазіи, націонализмъ смѣшивается съ патріотизмомъ. Доказательствомъ этому служатъ всѣ шесть международныхъ сіонистическихъ конгресовъ, делегаты которыхъ были либо интеллигенты, либо крупная буржуазія. На послѣднемъ еврейскомъ конгресѣ въ Брюсселѣ, делегаты мелкой буржуазіи высказались противниками дальней территоріи, а делегаты представители крупной промышленности заявили солидарность съ рѣшеніемъ недавнишняго международнаго капиталистическаго конгреса въ Монсѣ.

Они высказались за эмиграцію, но чтобы она совершалась болѣе правильнымъ образомъ. т. е. выбрать, прежде всего, страну для переселенія, выработать планъ, вродѣ программы для будущихъ еврейскихъ колоній, обезпечить регулярныя отправленія этихъ колоній и т. д. Это очень ярко обнаруживаетъ капиталистическія стремленія крупной еврейской буржуазіи, стремленія, которой совпадаютъ съ стремленіями западно-европейскихъ промышленниковъ, перенести производство въ тѣ страны, въ которыхъ предложеніе превышаетъ спросъ на рабочую силу, и слѣдовательно, рабочая плата очень низка. Такъ будетъ и съ новыми еврейскими колоніями т. е. они явятся, во первое время, какъ рынокъ для сбыта дешевыхъ рабочихъ рукъ, и слѣдовательно, какъ болѣе утонченная форма эксплоатаціи, подъ предлогомъ филантропіи.

Но насъ спросятъ, почему тогда интеллигенція,которая будто бы, должна стоять во главѣ мелкой буржуазіи въ патріотическомъ или національномъ движеніи, въ данномъ случаѣ заняла прямо противоположную позицію? Дѣло въ томъ, что еврейская интеллигенція, въ силу своихъ индивидуальныхъ интересовъ, видитъ свое отечество тамъ, гдѣ ей будетъ лучше, а для всякаго извѣстно, что разъ только еврейскій народъ возобновитъ свое старое царство, интеллигенція почувствуетъ себя какъ дома, и тогда, она съумѣетъ вкусить отъ тѣхъ плодовъ, которые во многихъ странахъ были ей недоступны.

Интеллигенція, въ силу своего экономическаго положенія, всегда являлась привиллегированнымъ элементомъ общества, положеніе котораго она стремится сохранить за собой. *),,Какъ - бы различны и

*) Здѣсь, какъ и во многихъ мѣстахъ нашей брошюры, говоря объ интеллигенціи, вмѣсто ,,класса" мы употребляли слово ,,элементъ". Дѣлаемъ мы это по тѣмъ простымъ соображеніямъ, что интеллигенція не есть и быть не можетъ классомъ. Дѣло въ томъ, что ин-

даже противоположны ни были интересы въ средѣ интеллигенціи, все же ея объединяетъ свойственный ей аристократическій характеръ. Интеллигенція — это аристократія духа, и ея интересы въ современномъ обществѣ повелѣваютъ ей стремиться къ сохраненію всѣми средствами своего аристократическаго обособленія. Эти господа аристократы поступаютъ, конечно, такъ, какъ будто занимаемое ими привиллегированное положеніе является естественнымъ слѣдствіемъ ихъ необыкновенныхъ дарованій. Но сами они отлично сознаютъ, что это положеніе покоится вовсе не исключительно на дарованныхъ имъ природой преимуществахъ; поэтому они усердно стараются оградить себя искусственными границами отъ возможнаго прироста новыхъ сочленовъ. Этимъ объясняется успѣхъ въ этихъ кругахъ антисемитизма; отсюда оппозиція женскому образованію, отсюда — стремленіе удержать цеховыя ограниченія тамъ, гдѣ они еще существуютъ; отсюда, наконецъ, стремленіе съ помощью хорошо организованной клики сдѣлать невозможнымъ или, по крайней мѣрѣ, сильно затруднить успѣхъ новыхъ, пробивающихся талантовъ, т. е. конкурентовъ во всѣхъ тѣхъ интеллигентскихъ профессіяхъ, въ которыхъ трудно ввести цеховую ограниченность.“*)

Таковъ есть общій характеръ современной интеллигенціи. Что касается еврейской интеллигенціи, то она не отличается какими нибудь исключительными свойствами не смотря на то, что она, въ извѣстныхъ случаяхъ, находится въ исключительныхъ условіяхъ.

тересы интеллигенціи, въ одномъ или въ другомъ случаѣ, совпадаютъ съ интересами всѣхъ слоевъ,(т. е. всѣхъ классовъ), общества, не смотря на то, что самая интеллигенція, какъ таковая, ничто иное какъ масса, числящая въ своихъ рядахъ элементы всѣхъ общественныхъ слоевъ.

*) Каутскій. Интеллигенція и Пролетаріатъ.

Сіонисты, (конечно сіонисты-интеллигенты), очень любятъ ссылатся на какую-то историческую задачу „сыновъ израиля", увѣряя въ томъ, что еврейская нація, благодаря своей, будто бы, національной психологіи, должна стать во главѣ всѣхъ націи; что еврейская нація создала всю человѣческую культуру: начиная съ монодеизма и кончая Марксомъ и Лассалемъ и т. д. Слѣдовательно, сіонизмъ есть движеніе всенародное, и должно сдѣлаться всенароднымъ.

Это, (въ лучшемъ случаѣ), смѣшно. Какъ только вопросъ о политическомъ равноправіи евреевъ будетъ разрѣшенъ, какъ только интеллигенція будетъ удовлетворена, то сіонизмъ превратится въ идеалистическое движеніе, къ которому будутъ стремиться лишь единичные индивидуумы еврейскаго народа.

Сіонисты говорятъ также, что еврейскій пролетаріатъ въ глубинѣ своей души, будто бы, носитъ зародышъ сіонизма Очень возможно, что въ средѣ еврейскаго прлетаріата найдется много сіонистовъ, но это доказываетъ только то, что онъ еще не дорослъ до своего классоваго самосознанія. Намъ остается только жѣлать, что бы и еврейскій пролетаріатъ, какъ можно скорѣе, освободился отъ всякаго буржуазнаго предразсудка и сталь рядомъ съ пролетаріатомъ всего міра, противъ гнета еврейскаго и всякаго другаго капиталиста.

Итакъ, для насъ, соціальдемократовъ, патріотизмъ и націонализмъ понятія которыя дополняютъ другъ друга; для насъ понятія объ отечествѣ, сливается съ понятіемъ о націи, но это еще не значитъ, что объявляясь противниками патріотизма, мы возстаемъ и противъ отечества! А насколько мы должны считаться съ націонализмомъ, мы этого увидимъ въ второй части предлагаемой брошюрки.

II

Сторонниковъ національнаго взгляда вообще принято разсматривать въ трехъ различныхъ видахъ: „Націоналисты“ proprement dit, „націоналисты-демократы“ и „націоналисты-соціалисты“(?).

Хотя мы и не вполнѣ согласны съ такой классификаціей, но въ данномъ случаѣ мы придерживались установленнаго пониманія.

Когда вопросъ идетъ о „націонализмѣ“ мы обыкновенно понимаемъ, что онъ касается мелко-буржуазнаго націонализма, и наша задача въ токомъ случаѣ ясна: объясняя причину вызвавшую въ жизни націонализмъ, мы въ тоже время разоблачаемъ его классувую тенденцію. Но когда вопросъ идетъ о націонализмѣ, сопровождаемымъ какимъ нибудь прилагательнымъ, какъ это въ послѣднѣе время все чаще и чаще случается, наша работа принимаетъболѣе сложный характеръ: намъ не только приходится объяснять его причины, но намъ еще приходится указывать на его противорѣчія и снимать съ его лица маску подъ которой кроется настоящая его физіономія, либо мелко-буржуазныхъ идеаловъ, либо интеллигентскаго индивидуализма.

Въ первой части нашей брошюркы, разсматривая сіонизмъ, мы попытались набросить характеристику буржуазнаго націонализма и поэтому мы считаемъ излишнимъ возвращат ся опять къ нему. Что касается націоналистовъ-демократовъ, мы считаемъ также лишнимъ останавливаться теперь на этомъ вопросѣ, такъ какъ намъ пришлось бы прежде всего опредѣлить настоящій колоритъ демократическаго націонализма а за тѣмъ дѣлать наши выводы. Но ето отняло

бы слышкомъ много времени и по этому мы перейдемъ къ третьему виду націоналистовъ т. е. на націоналистамъ соціалистамъ, замѣтивъ только то, что демократическій націонализмъ, какъ бы онъ не скрывался подъ благотворнымъ терминомъ „демократическій“ есть тоже буржуазный націонализмъ.

Приступая къ разбору національнаго-соціализма, прежде всего, намъ нужно опредѣлить наше отношеніе къ націонализму вообще.

Я начну съ одной исторической справки. Въ 1876 г. въ нѣмецкомъ райхстагѣ, кѣмъ-то изъ нѣмецкихъ филантроповъ, была подана интерпеляція министру, кажется, иностранныхъ дѣлъ, по поводу восточной политики германскаго правительства. Описавъ всѣ ужасы, массовое избіеніе болгаръ турками, разореніе ихъ деревень и городовъ, интерпеляторъ предложилъ нѣмецкому правительству заступиться за болгаръ и, если возможно, объявить войну Турціи. На это столь человѣколюбивое предложеніе: освободить одну націю отъ ига другой, противникомъ объявился Либкнехтъ. Опозиція Либкнехта, какъ вождя соціалистической партіи, поразила не только Райхстагъ и Германію, но всю Европу, въ особенности, конечно, заинтересованную націю.

Правъ ли былъ на самомъ дѣлѣ Либкнехтъ?

Объявляясь противникомъ освобожденія Болгаріи Германіей, еще не значитъ, что Либкнехтъ являлся защитникомъ цѣлости турецкой монархіи, какъ это ошибочно толковала европейская буржуазія семидесятыхъ годовъ. Либкнехтъ заявилъ въ Райхстагѣ только то, что могъ заявить истинный соціальдемократъ, задачи, которого вполнѣ сформированы и вполнѣ ясны. Нѣмецкій пролетаріатъ, говорилъ Либкнехтъ, имѣетъ свои классовыя стремленія и поэтому ему нѣтъ надобности отклонять и ослаблять свои силы въ дѣлахъ филантропіи.

Либкнехтъ, прежде всего, былъ нѣмецъ, слѣдовательно, его дѣятельность, прежде всего, должна была сосредоточена въ Германіи. Какъ соціалистъ, Либкнехтъ являлся представителемъ не официальной Германіи т. е. не нѣмецкой буржуазіи, на знамени которой стоитъ девизъ *nach orient*, и слѣдовательно, которая имѣетъ интересъ отъ вмѣшательства Германіи въ дѣлахъ Турціи; Либкнехтъ, будучи представителемъ нѣмецкаго пролетаріата, его вождемъ, и слѣдовательно, являлся выразителемъ его идеологіи. А идеологія нѣмецкаго пролетаріата, какъ вообще идеологія всякаго пролетаріата, не заключается въ евангельской мудрости „помоги слабому", а носитъ въ себѣ принципъ объединенія всѣхъ слабыхъ въ силу, которая и совершитъ освобожденіе всѣхъ націй отъ ига капитализма, вызывающаго вездѣ и повсюду политическій гнетъ.

Эготъ безчеловѣчный,—какъ любятъ и теперь еще называть его славянофилы,—поступокъ Либкнехта, содержитъ въ себѣ отвѣтъ на выдвинутый нами вопросъ.

Единство международнаго пролетаріата, не заключаетъ въ себѣ дефиренцировки національнаго самоопредѣленія, наоборотъ, оно зиждется на немъ, ввиду пролетарскаго самосознанія.

Нація какъ юридическое цѣлое имѣетъ значеніе постольку, поскольку ето необходимо для солидарности въ борьбѣ съ капитализмомъ. Нація для соціальдемократа является какъ необходимый институтъ капиталистическаго строя, пустившій такія глубокія корни, что игнорируютъ этотъ институтъ только очень неопытные политики. Нація—зло и соціальдемократія смотритъ на націи именно какъ на таковое.

Спрашивается теперь, какъ опредѣлить націю: что такое нація?

Въ этнографическомъ отношеніи критерій для опредѣленіи націи служитъ общее происхожденіе, общій языкъ,

общіе нравы и общій культъ. Но такое опредѣленіе націи въ практической жизни, не только что является очень непрактичнимъ, но пожалуй, идеальнымъ, мнимымъ и поэтому, съ юридической точки зрѣнія, націей понимается сборъ людей которые по возможности имѣли-бы общее происхожденіе, языкъ, нравы, культъ и т. д. но главное, что бы они жили объединено, т. е въ извѣстномъ мѣстѣ, понимали-бы другъ друга и имѣли-бы общіе матеріальные интересы. Слѣдовательно, первое необходимое условіе для націи является территорія. Безъ территоріи, нація, какъ таковая, не можетъ существовать и обречена на ассимиляцію.

Не вѣрно, что соціализмъ, будто-бы, исключаетъ націи; это также не вѣрно, какъ если допустить, что соціализмъ стремится къ возобновленіе націи.

Нація средство, а не цѣль.....

Всѣмъ извѣстно, что соціализмъ, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, выходя изъ утопическаго міровозрѣнія и вступая на научную основу, первой своей задачей считалъ покончить съ французскимъ матеріализмомъ и нѣмецкой философіей въ лицѣ Фейербаха. Этимъ, онъ себѣ разчищалъ дорогу къ широкой политической дѣятельности. Очень скромный и очень благонамѣренный утопизмъ, професіональное движеніе Германіи, экономическая борьба англійскихъ рабочихъ подъ защитой самой буржуазіи,—все это пало подъ натискомъ научнаго соціализма, провозгласившаго, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, и на зовъ „пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!“, отзовались трудящіяся массы всего міра, соединившись 15 сентября 1864 года въ общую армію: армія пролетаріата.*)

*) Мы имѣемъ ввиду первую международную ассоціацію рабочихъ, — „Интернаціоналъ“ —, основанную по иниціативѣ Маркса и Энгельса въ Лондонѣ, въ залѣ Сэнъ-Мартэна, 28 сентября (н. с.) 1864 г.

Война капиталу трудомъ была объявлена; авангардомъ какъ извѣстно, выступили парижскіе рабочіе 18 марта 1871 года.

Но пролетаріатъ былъ побѣжденъ!

Послѣ этого пораженія, рабочіе поняли, что ихъ сила, по сравненію съ силой капитала, еще не доросла до того момента, который позволилъ-бы рисковать жизнью десятками тысячь людей: движеніе изъ стихійнаго перешло въ планомѣрное, изъ quasi- экономической перешло на политическую почву.

Пролетаріатъ долженъ былъ объявить войну не только самому непріятелю т. е. капитализму, а одновременно и его союзникамъ: государству и церкви. Раньше чѣмъ уничтожить капитализмъ, пролетаріатъ долженъ былъ завладѣть и уничтожить церкви и государство. Ближайшая задача пролетаріата явилась пролетарская диктатура т. е. захватъ и уничтоженіе власти.

Первой ступенью захвата власти, безусловно является муниципалитетъ, второе-же парламентъ; и по этому, соціальдемократія должна была, прежде всего направить свои силы къ этимъ буржуазнымъ учрежденіямъ, слѣдовательно, должна была выступить, прежде всего, какъ политическая партія.

Преслѣдуя свою конечную цѣль,—максимальную программу, современная соціальдемократія выступаетъ также съ минимальной программой, заключающей въ себѣ ближайшія цѣли,—касающіяся лишь пролетаріата, въ частности, для каждой страны,—посредствомъ которыхъ она дойдетъ до полной побѣды.

Вотъ въ какомъ смыслѣ и въ какихъ размѣрахъ, научный соціализмъ можетъ быть національнымъ. Разрѣшать-же національный вопросъ, научный соціализмъ считаетъ внѣ своей задачи: это дѣло буржуазіи; объявляться его защитникомъ или врагомъ, научный соціализмъ

при современныхъ классовыхъ условій, считаетъ тоже внѣ своей цѣли.

Итакъ, для истиннаго соціальдемократа, не потерявшаго здравый смыслъ, нѣтъ мѣста націонализму, въ его классовомъ воспитаніи, какія-бы цѣли не преслѣдовалъ націонализмъ.

Такъ смотритъ каждый соціальдемократъ на націонализмъ, такъ и долженъ смотрѣть.

***

Но къ сожалѣнію, не каждый кто называетъ себя соціалистомъ—соціалистъ на самомъ дѣлѣ. За послѣдные годы мы были свидѣтелями такой вольности и искаженія въ пониманіи соціализма, что намъ прямо не вѣрится и не знаемъ къ какой категоріи людей причислитъ такихъ соціалистовъ. Тѣ, которые вчера величали себя соціалистами-націоналистами, сегодня выходятъ подъ новимъ этикетомъ и въ новой формѣ націоналистовъ-соціалистовъ, что бы на завтра явиться какъ представители какой-то „революціонной мысли"(!).....

Насъ утѣшаетъ только то обстоятелство, что всѣ эти расплодывшіеся разновидности соціализма обладаютъ эпидемической смертностью. Есть-же въ біологіи такой законъ, по которому чѣмъ рождаемость сильнѣе тѣмъ и смертность интенсивнѣе....

Приступая теперь къ частной сторонѣ вопроса о націонализмѣ въ связи съ соціализмомъ т. е. съ вопросомъ націонализмѣ въ русскомъ революціонномъ движеніи; къ больному, такъ сказать, вопросу русскаго движенія, мы должны остановиться, преже всего, на лучшей въ Россіи организаціи „Бундѣ".

Назвать Бундъ лучшей организаціей въ Россіи, я

имѣю очень серьезное основаніе, о которомъ говорить здѣсь считаю лишнымъ. Бундъ явился и росъ благодаря нуждамъ сознательнаго еврейскаго пролетаріата; но тѣмъ печальнѣе что такая сильная организація, превратилась въ гнѣздо мелко буржуазнаго соціализма, разсадникъ вражды между еврейскимъ и не еврейскимъ пролетаріатомъ, выразителемъ націонализма, въ самомъ грубомъ смыслѣ этого слова.

Дѣятельность Бунда, дочетвертаго конгреса—(свѣтлая эпоха въ его жизни)—мы не будемъ касатся, хотя насъ, не русскихъ, очень удивлялъ смыслъ принятой первымъ съѣздомъ Россійской Соціальдемократической Партіей резолюціи опредѣляющая мѣсто и права бунда въ партіи.*)

Для насъ не русскихъ, было непонятнымъ, въ какихъ вопросахъ, Бундъ долженъ имѣть рѣшающій голосъ т. е. быть ментором въ дѣлахъ еврейскаго пролетаріата.

На самомъ дѣлѣ, неужели еврейскій пролетаріатъ, будучи въ одинаковыхъ экономическихъ и политическихъ условіяхъ съ пролетаріатомъ всѣхъ остальныхъ народностей Россіи, долженъ домогаться спеціально для евреевъ требованіи? Изъ за какой практической выгоды Бундъ долженъ былъ занять «автономное» положеніе въ партіи съ самостоятельнымъ дѣйствіемъ „въ вопросахъ касающихся спеціально еврейскаго пролетаріата“; и какіе эти „спеціальныя вопросы“ еврейскаго пролетаріата? Когда происходитъ сліяніе между разными соціальдемократичскими группами, преслѣдующіе, конечно, одинаковыя цѣли, слово «автономія» совершенно излишне, не говоря о томъ, что никакой рѣчи о самостоятельности, той или другой группы, и быть не можетъ. Самостоятельность, въ извѣстной степени, могутъ имѣть только мѣстныя организаціи по отношенію къ центральному комитету и то въ исключительныхъ, очень важныхъ и экстреннихъ случаяхъ, какъ

*) См. Манифестъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи. 1898 г. (Рѣшенія Съѣзда). Изданіе Г. А. Куклина. Женева 1903г

напр. при демонстраціяхъ, манифестаціяхъ и вообще при агитаціонной дѣятельности данной группы. И въ этихъ случаяхъ, организаціи получаютъ только условныя carte blanche быть отвѣтственными передъ высшими учрежденіями партіи: центральнымъ комитетомъ и конгресомъ. Все-же, что касается партіи, ея тактики, теоріи, финансовыхъ и литературныхъ дѣлъ, рѣшается конгрессомъ, въ которомъ каждая мѣстная организація имѣетъ самую широкую возможность высказаться въ защиту или противъ того или инаго положенія.

Если Бундъ, подъ самостоятельнымъ дѣйствіемъ понималъ вмѣнить себѣ въ объязанность только заведываніе литературой еврейскаго пролетаріата и въ выборѣ его агитаторовъ, правда, что не стоило труда вести особые переговоры, ибо комитеты мѣстные и центральный и безъ вмѣшательства Бунда могли-бы удовлетворить этой потребности еврейскихъ рабочихъ не хуже, чѣмъ Бундъ то сдѣлалъ „самостоятельно“. Быть можетъ, что если литература, предназначенная для еврейскаго пролетаріата, находилась-бы подъ контролемъ Русской Соціальдемократической Партіи, Бундъ не увлекся бы теченіемъ, такъ называемаго „экономизмъ“, потерявъ „безъ всякой пользы для дѣла“ такъ много силъ, запечатлѣлъ такимъ образомъ свою дѣятельность очень крупной ошибкой, въ которой самъ Бундъ такъ рыцарски сознался.

Намъ кажется, что предлагая свое содѣйствіе русскому пролетаріату въ замѣнѣ своей самостоятельности въ „извѣстныхъ вопросахъ“ Бундъ и не думалъ о литературѣ, ни объ агитаторахъ. Наоборотъ, требуя эту самостоятельность, Бундъ выходилъ изъ того-же принципа изъ котораго выходили всѣ еврейскія движенія, безъ исключенія, въ борьбѣ съ антисемитизмомъ, что, конечно и было высказано впослѣдствіе самымъ Бундомъ.

Но, чтобъ не быть голословнымъ, обратимся къ фактамъ.

Еще наканунѣ пятаго съѣзда Бунда, въ его литературу начали промелкать тенденціи къ болѣе широкимъ правамъ Бунда въ дѣлахъ партіи, въ которыхъ ясно выражалось стремленіе Бунда къ національной обособленности; мало того, эти тенденціи возбуждали еврейскій пролетаріатъ противъ христіанскаго населенія.

Въ № 30 издававшеяся на еврейскомъ жаргонѣ газѣтѣ «Рабочій Голосъ» (Arbeiterstimme) появилась статья «Полская соціалистическая партія о еврейскомъ рабочемъ движеній», которая была переведена впослѣдстіи на русскій языкъ и издана заграничнымъ комитетомъ Бунда въ отдѣльной брошюрѣ. Эта статья исключительно была посвящена критикѣ Польской соціалистической партіи, въ особенности о принятыхъ на ея съѣздахъ резолюціи противъ самостоятельности Бунда въ соціальдемократическихъ партіяхъ. Эти резолюціи, какъ и критика Бунда противъ нихъ, теперь намъ не интересны, но изъ этой брошюрки мы выводимъ слѣдующія знаменательныя положенія, характеризующія тенденцію Бунда между четвертымъ и пятымъ его конересомъ.

Выходитъ что:

1. Еврейскій пролетаріатъ борясь для завоеванія политической равноправности, тѣмъ самымъ «пролетаріатъ стремится къ освобожденію не только своего класса», но и цѣлаго народа: «завоевать для себя и для него равноправное положеніе среди другихъ народовъ, обезпечить это положеніе и тѣмъ самымъ облегчить (?) свою классовую борьбу».

2. Наряду съ общими требованіями пролетаріата тѣхъ націи, среди которыхъ онъ живетъ, онъ имѣетъ еще свои собственныя національныя задачи.

3. Еврейскій пролетаріатъ долженъ самостоятельно вступить въ борьбу съ антисемитизмомъ, не полагаясь ни на кого.

Итакъ, чтобъ оправдать путемъ, такъ сказать, политико-историческаго анализа права гражданства, свое raison d'etre, какъ независимаго института въ предѣлахъ россійской имперіи, Бундъ ссылается главнымъ образомъ на какія-то историческія задачи еврейскаго пролетаріата. А эти историческія задачи еврейскаго пролетаріата, Бундъ видитъ въ уравненіи еврейскаго народа наравнѣ съ другими политическими народами, что высказано Бундомъ въ одной изъ статьей, его офиціальнаго органа «Вѣстникъ Бунда», именно въ статьѣ «Націонализмъ и ассимиляція». *)

Читая вышеупомянутую брошюрку, невольно спрашиваешь себя, не имѣемъ-ли мы дѣло съ какими нибудь «возрожденцами» или имѣемъ дѣло съ той могучей, когда то, дававшей тонъ всѣму россійскому революціонному движенію, организаціей Бунда.

Если мы не плохо поняли Бундъ, то выходитъ по словамъ Бунда, что исключительное положеніе занимаемое евреями въ Россіи, — хотя не одни только евреи живутъ въ такихъ исключительныхъ условіяхъ,— дѣло слѣпаго случая и желанія русской администраціи; и поэтому еврейскій пролетаріатъ долженъ выступить, прежде всего, какъ національная группа въ защиту порабощенныхъ правъ еврейской націи.

Такъ могутъ разсуждать только вожди сіонизма, но никоимъ образомъ—хорошо дисциплинированная пролетарская партія, называющая себя соціальдемократической. Или, въ лучшемъ случаѣ, въ національномъ своемъ увлеченіи, Бундъ забываетъ, что въ Россіи не только однимъ евреямъ приходится боротся противъ русскаго самодержавія и что, вообще, отстаивать политическія права должны не только евреи.

Въ отвѣтъ на упомянутую статью Бунда въ «Р. Г.»

*) Вѣстникъ Бунда. № 1-2 Январь—Февраль.

товарищи изъ польской соціальдемократической партіи отвѣтили Бунду слѣдующими глубоко логическими словами: „Уничтоженіе исключительныхъ законовъ противъ евреевъ заключается въ программѣ какъ польской, такъ и русской соціальдемократіи, стремящейся къ политической свободѣ для всѣхъ „поданныхъ“ царя, безъ различія національности, пола и вѣроисповѣданія; точно также, какъ „черта осѣдлости“ и другіе варварства царизма по отношенію къ евреямъ, представляютъ собою лишь одно изъ проявленій господствующей реакціи.“*)

Обратите вниманіе, что Бундъ не ограничиваетъ свою политическую дѣятельность только въ предѣлахъ вопросовъ касающихся только еврейскаго пролетаріата: наоборотъ, Бундъ выходитъ далеко за ихъ предѣлы, и распространяетъ свое покровительство не только на мелкую буржуазію и сіонистовъ, съ которыми Бундъ не имѣетъ ничего общаго, но и на крупную буржуазію противъ которой онъ борется. Это очень напоминаетъ однаго изъ героевъ Гюго, который наградилъ своего подчиненнаго крестомъ за храбрость и тутъ-же собственной рукой убилъ его за предательство.

Такъ случилось и съ бундомъ: Бундъ покровительствуетъ и защищаетъ еврейскаго капиталиста по стольку, по скольку послѣдній является обиженнымъ исключительными условіями политическаго устройства современнаго міра, и вмѣстѣ съ тѣмъ Бундъ, объявляется врагомъ того-же капиталиста, опять таки на столько, на сколько онъ, т. е. еврейскій фабрикантъ, есть врагъ пролетаріата. Словомъ, „зубъ за зубъ, око за око“. И эта сантиментальная справедливость щедро разсыпается бундомъ во имя идеи „облегчить свою классовую борьбу“.

Не ясно ли теперь, что Бундъ впалъ въ большое недоразумѣніе въ своеобразномъ пониманіи принциповъ классовой борьбы пролетаріата? —Напрасно Бундъ льетъ

*) Искра № 41.

слезы изъ за разныхъ капиталистовъ которые во всякомъ случаѣ, чувствуютъ себя, въ Россіи, гораздо лучшѣ, въ политическомъ отношеніи, чѣмъ многіе изъ „русскихъ дворянъ."

Но,—возразятъ товарищи изъ Бунда,— этимъ Бундъ понимаетъ, не только завоеваніе политической равноправности евреевъ, сколько защиту ихъ отъ ежедневныхъ погромовъ которымъ евреи, въ особенности русскіе евреи, предоставлены. Дѣло въ томъ, что не только Бундъ, но, къ сожалѣнію, и многіе изъ товарищей, враждебно относившіеся къ нему, очень ошибочно объясняютъ себѣ причину антисемитизма въ Россіи. Не будемъ говорить о сіонистахъ, для которыхъ антисемитизмъ,будто бы, дѣло религіозной ненависти христіянскихъ народовъ противъ евреевъ: это на столько неосновательно насколько и смѣшно.

Антисемитизмъ ведетъ свое начало еще съ тѣхъ поръ, когда евреямъ было суждено покинуть свою родную срану и разсѣяться по всему міру, и мы какъ сторонники діалектическаго метода мышленія, находимъ его причину въ экономической жизни евреевъ. Но Бундъ и тѣ изъ товарищей враждебно относившіеся къ Бунду, о которыхъ мы упомянули, не такъ смотрятъ на вопросъ. Допуская и экономическія причины въ появленій антисемитизма, какъ Бундъ такъ и многіе изъ противниковъ Бунда, одну изъ главныхъ причинъ антисемитизма видятъ въ политикѣ правительсвъ вообще, а въ даномъ случаѣ, въ политикѣ русскаго правительста. Такое извращенное пониманіе одного изъ жизненныхъ вопросовъ еврейской націи, можетъ довести, какъ и водится, къ очень печальнымъ реультатамъ и поэтому мы считаемъ необходимимъ остановиться, хотя и мимоходомъ, на этомъ вопросѣ.

Итакъ, послѣ паденія Іудейскаго Царства, евреи, должны били проститься съ участіемъ въ многихъ отрасляхъ

труда, преимущественно въ тѣхъ, въ которыхъ осѣдлость была необходима. Это вызывалось исключительными условиями въ которыхъ евреи, мало по мало, начали подпадать Не имѣя права быть землевладѣльцами, ремесленниками политическими дѣятелями; не имѣя также права вступать въ, какія бы ни было, предпріятія съ православнимъ населеніемъ и т. д.,—вслѣдствіе этого обстоятельства большинству изъ евреевъ пришлось искать свое пропитаніе въ тѣхъ предпріятіяхъ, которые имѣли болѣе посредственный характеръ. Такимъ образомъ, для евреевъ осталась торговля и ростовщичество. Ростовщичество даже покровительствовалось царской властью, о чемъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что христіанамъ было разрѣшено брать проценты только 6 на сто, тогда какъ евреямъ можно было брать до 12-ти.*)

„Въ средніе вѣка,—пишетъ Дарней,**)—люди занимались, либо ручнымъ трудомъ, либо служили въ арміи; это были главные и единственные профессіи, которые доставались по наслѣдству: въ первую шли разночинцы, а въ вторую—дворяне. Только евреи не могли пойти ни въ одну изъ нихъ и слѣдовательно, для нихъ осталось только торговля, банки и ростовщичество.“ Это, конечно, влекло за собой недовольство со стороны населенія въ средѣ которыхъ евреи жили. Съ другой стороны духовенство, видя въ лицѣ еврейскихъ ученыхъ и вообще, въ еврейской культурѣ очень опаснаго врага для своего владычества надъ человѣческимъ умомъ, воспользовались этимъ недовольствомъ массы, и сочинивъ всѣ тѣ легенды о ритуальной преступности евреевъ, распространяя ихъ между простымъ народомъ, способствовали зарожденію антисемитизма у всѣхъ почти народовъ, среди которыхъ евреи жили.

*) А. Бебель. Анисемитизмъ и Коллективизмъ въ Германіи. Изданіе «Молотъ». СПБ. 1905 г.

**) Joseph Denais-Darnays. Les Juifs en France avant et depuis la Révolution. IIe édition de la Société Bibliographique, Paris 1905

Антисемитизмъ въ Россіи, явленіе тоже не нашихъ дней. Онъ былъ извѣстенъ и довольно распространенъ, еще при Екатеринѣ второй, а можетъ быть еще раньше. При Павлѣ и Александрѣ первомъ, антисемитизмъ и гоненія противъ евреевъ достигли до такихъ размѣровъ, до такой степени нетерпимости, что какъ извѣстно, евреи нашли самаго отважнаго защитника у декабристовъ въ лицѣ одного изъ ихъ вождей, а именно Пестеля. Не трудно теперь прослѣдить какіе причины заставили правителства различныхъ русскихъ царей и царевенъ преслѣдовать евреевъ. Русская исторія, начиная возцареніемъ Михаила Ѳеодоровича Романова, какъ извѣстно ни что иное, какъ рядъ преступленій и насилій надъ разными народностями русской имперіи, или находившихся въ ея сосѣдствѣ. Правительство скоро поняло, что цѣлость имперіи и несокрушимость самовластія въ Ротсіи возможны лишь при относительно меньшей разнонародности ея элементовъ, и первая его задача была направлена на ассимилацію различныхъ національностей населяющехъ Россію.

Польша, не мѣнѣе евреевъ, почувствовала эту политику русскаго правительства. Что касается средствъ, то правительство не могло прилагать одни и тѣ-же мѣры какъ для евреевъ, такъ для поляковъ, литовцевъ и т. д.

Евреи, какъ одна изъ малочисленныхъ нація въ Россіи съ одной стороны; какъ нація, которая, благодаря своему экономическому положенію въ Россіи, вооружающая противъ себя русскую мелькую буржуазію, съ другой стороны;—больше всѣхъ націи подверглась преслѣдованію, выразившіемуся въ „чертѣ оседлости“, въ погромахъ и въ прочихъ стѣснительныъ мѣрахъ.

Но достигло-ли русское правительство своей цѣли? —Каждій изъ насъ знаетъ, что нѣтъ.

Воть какъ возникалъ и какъ развивался антисемитизмъ вообще, и въ Россіи, въ частности. Но Бундъ,

при всемъ своемъ соціальдемократическомъ пониманіи, увѣряетъ насъ, что погромы устраеваетъ правительство только потому, что въ лицѣ евреевъ оно видитъ революціонеровъ, соціалистовъ, анархистовъ; что путемъ погромовъ русское правительство хотѣло, будто бы, внѣсти раздоръ между еврейскимъ и православнымъ населеніемъ, и что этотъ раздоръ, съ своей стороны, отклонилъ-бы послѣднихъ отъ соціализма и т. д.

Стало быть,—логика Бунда такова,—что если для соціализма не было бы почвы въ еврейскомъ народѣ, то никакихъ погромовъ въ Россіи не было бы. . . . .

Если-бы Бундъ былъ мѣнее патріотически настроенъ, что безусловно позволило бы ему болѣе критически отнестись къ такому вопросу, какъ антисемитизмъ, и если съ другой стороны Бундъ, посмотрѣлъ бы на этотъ вопросъ глазами пролетаріата, сознавшаго свою классоваю борбу, на что Бундъ такъ громко претендируетъ,—а это возможно только въ томъ случаѣ, если-бы Бундъ, ограничилъ-бы какъ нибудъ безконтрольный доступъ четвертаго элемента общества, блуждающей интелигенціи, въ свои ряды, мы глубоко убѣждены въ томъ, что Бундъ, сознался-бы въ своей ошибкѣ: посвятить націонализму значительную часть своей дѣятельности, какъ это было уже съ Бундомъ.

Но Бундъ этого не сдѣлалъ; наоборотъ, предлагая еврейскому цролетлріату вступить въ борьбу съ антисемитизмомъ „не полагаясь ни на кого другого, кромѣ самаго себя“, вызывая, такимъ образомъ, по истинѣ ненависть у еврея къ христіанину и вообще къ не еврею; не говоря о томъ что такимъ образомъ, Бундъ является выразителемъ того извращеннаго патріотизма, въ глазахъ сторонниковъ котораго, все чужое должно быть презираемо.

Антисемитизмъ, какъ соціальное явленіе есть явленіе, хотя и злое, но неизбѣжное при всякомъ капиталистическомъ

строѣ, если конечно, экономическая жизнь евреевъ не изравнится съ экономичекой жизнью другихъ народовъ. Причина антисемитизма кроется только въ классовомъ устройствѣ современнаго общества, съ уничтоженіемъ котораго исчезнетъ всякій антисемитизмъ.

Напрасно Бундъ обвинялъ польскихъ товарищей, что они, будто бы, вносили и способствовали укрѣпленію антисемитизма у польскаго пролетаріата; наоборотъ, Бундъ способствуетъ сіонизму, идя рука объ руку съ нимъ, и вноситъ въ еврейскомъ пролетаріатѣ буржуазно національное чувчувство.

Стоитъ ли, собственно говоря, обращать вниманіе на подобное обвиненіе, если Бундъ, въ экстазѣ національнаго увлеченія осмѣлился обвинить своихъ товарищей изъ русской соціальдемократической партіи въ антисемитизмѣ?.,

А это, т. е. обвиненіе Бундомъ русскихъ товарищей въ антисемитизмѣ случилось вотъ при какихъ обстоятелствъ:

Въ № 34 „Искры“ въ статьѣ „Нужна ли самостоятельная политическая партія еврейскому пролетаріату“, полемизируя съ Бундомъ по вопросу о сомостоятельности еврейскаго пролетариата, какъ независимой партіи, выразилъ такой-же взглядъ, который выражали и польскіе товарищи, а именно: „что Бундъ какъ самостоятельная организація будетъ организація безсилія“. Бундъ набросился на „Искру“ кажется въ брошюркѣ „Къ вопросу о національной автономіи“, приблизительно слѣдоющими словами: наконецъ потерявъ всякую осторожность „Искра“ созналась въ нѣкоторыхъ изъ своихъ сокровенныхъ мыслей, характеризующія настоящую физіономію всероссійской партіи т. е, ея полнейшее презрѣніе къ еврейскому пролетаріату.

Это, не нуждается ни въ какихъ коментаріахъ.

Итакъ, между четвертымъ и пятымъ съѣздомъ еврейскаго Рабочаго Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи, Бундъ самымъ тщательнымъ образомъ обработывалъ почву для своей будущей національностической дѣятельности, основа которой было положено еще четвертымъ конгресомъ.

Первый открытый шагъ, сдѣланный Бундомъ на почвѣ національности было принятая резолюція-уставъ пятымъ конгресомъ, касающаяся положенія Бунда въ партіи. Духъ „конституціи“ Бунда совпадаютъ съ духомъ Пушкинской „сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ“; Бундъ недовольный своимъ положеніемъ „автономной организаціи, самостоятельной лишь въ вопросахъ касающихся спеціально еврейскаго пролетаріата“, захотѣлъ сдѣлаться вполнѣ самостоятельнымъ и неограниченымъ „никакими районными рамками“ (§ 2), никакимъ контролемъ въ его литературныхъ и агитаціонныхъ дѣлахъ (§ 6, 8), никакого вмѣшательства въ организаціонныхъ дѣлахъ Бунда (§ 5, 7);—полная свобода всякаго рода компромисовъ съ другими соціалистическими организаціями и несоціалістическими группами и партіями. Такимъ образомъ Бундъ, въ погонѣ обезпечить полною свободу своему національности, вносилъ въ объединенной всероссійской партіи новое разногласіе, результатомъ котораго должно было быть расчлененіе партіи съ выходомъ Бунда, что и случилось на второмъ съѣздѣ. Однако идемъ дальше.

Бундъ, тѣмъ-же пятымъ съѣздомъ Всеобщаго Еврейскаго Союза, открывъ широко двери въ партіи для „давно уже оторванной отъ жизни еврейской рабочей массы прогресивной интеллигенціи, незнакомой съ его языкомъ, не испытывая на себѣ непосредственнаго воздѣйствія ея революціонной борьбы. . . . . и т. д.*), долженъ былъ внести въ своемъ, непрочномъ пролетарскомъ міросозерцаніи объективнаго индивидуализма.

Чѣмъ могла служить еврейская прогресивная интелл

*) См. Вѣстникъ Бунда. №1-2.

генція еврейскому пролетаріату, будучи оторвана и чужда „своеобразному циклу вопросовъ жизни“ еврейскихъ рабочихъ?—Не тѣмъ-ли, что она должна была видвинуть, прежде всего, тѣ вопросы, которіе касаются интересовъ самой интеллигенціи?

Это такъ и было на самомъ дѣлѣ.

Еще въ первыхъ нумерахъ официальнаго органа, слившаяся еврейская „прогресивная интелигенція“ съ еврейскимъ пролетаріатомъ, были поставлены на обсужденія два на сколько антисоціалистическихъ, на столько и буржуазныхъ, вопроса: вопросъ о націонализмѣ и вопросъ объ ассимиляціи.

„Нація-ли евреи?“—Спрашиваетъ возмущенная еврейска прогресивная интеллигенція; и получивъ утвердительный отвѣтъ, что евреи на самомъ дѣлѣ нація, хотя и безъ территоріи, она спрашиваетъ дальше; „подлежатъ-ли евреи ассимиляціи“, на что отвѣтъ получился отрицательный:—ergo: „намъ нужна полная независимость“.

Эти вопросы Бундъ называлъ жгучими, наболевшими вопросами еврейскаго пролетаріата!

Нѣтъ, вопросы поставленные Бундомъ сливаются съ тѣми именно вопросами, рѣшеніемъ которыхъ занимается только сіонизмъ. И на самомъ дѣлѣ, не все-ли равно, для истиннаго соціальдемократа, будутъ ли евреи признаны какъ нація или нѣтъ; соціализмъ не стремится опредѣлять и возстановлять націи; соціализмъ никогда не ставилъ себѣ задачы разрѣшать вопросъ нація-ли евреи или нѣтъ, и не могъ задать себѣ подобной задачы; наоборотъ, въ лицѣ еврейскаго пролетаріата международный соціализмъ видитъ угнетеннаго капиталомъ пролетаріата и указываетъ ему на средства въ его борьбѣ съ современнымъ общественнымъ устройствомъ.

Что касается вопроса объ ассимиляціи евреевъ, то сотрудники Бунда имѣли еще менѣе основатель-

ности разрѣшать его, чѣмъ браться за разрѣшеніе вопрос
нація-ли евреи.

Любой школьникъ, если только онъ имѣлъ случай про
честь, хотя бы, одну книжку по экономическому матеріали
му, вамъ скажетъ, что если экономическія условія будут
благопріятствовать изчезновеніи той или иной расы, тол
или иного народа, то никто, а меньше всего „сотрудники
Вѣстникъ Бунда не могли бы помѣшать этой историческо
необходимости.

Говоря „сотрудники Вѣстника Бунда", мы имѣемъ ввид
лишь ту незначительную, но, къ сожаленію, очень вліятельну
часть еврейской соціалистической организаціи, интересы к
торой не могутъ быть одинаковы съ интересами еврейскаг
пролетаріата. Вопросъ о націонализмѣ, не былъ, не ест
и быть не можетъ насущнымъ вопросомъ еврейскаг
пролетаріата. Еврейскій пролетаріатъ на столько вырос
въ своемъ классовомъ сознаніи, что не смотритъ на сво
интересы глазами еврейскаго реакціонера-сіониста, мелк
буржуазнаго соціалиста или кого бы то ни было другог
буржуазнаго идеолога.

Итакъ, между чегвертымъ и пятымъ съѣздомъ Еврей
скаго Рабочаго Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи, Бунд
самымъ тщательнымъ образомъ обработывалъ почву дл
своей будущей націоналистической дѣятельности, основ
которой было положено еще четвертымъ конгресомъ.

Такіе вопросы какъ--о „націонализмѣ", объ „ассими
ляціи" и тому подобные, могутъ принести одинъ толь
вредъ пролетаріату, сбыть его съ его классовой позиц
ибо эти вопросы, какъ вопросы буржуазнаго, реакціо
наго характера, ничего общаго не могутъ имѣть съ рев
люціоннымъ соціализмомъ.

Мы остановились на эти факты прошлого вовсе н
злоумышленно; мы хотели только показать, что Бунд
какъ только сталъ на націоналистической почвѣ, потеря

изъ виду самые главные интересы пролетаріата, прикрывая его именемъ индивидуальные интересы еврейской интеллигенціи, а также интересы еврейской буржуазіи, выразителемъ которыхъ сдѣлались официальный органъ Бунда и его литература.

Бундъ уже сыгралъ свою историческую роль.

Когда революціонная интенсивность полусознательнаго русскаго пролетаріата находилась еще на той ступени своего развитія, на которомъ она была въ началѣ девяностыхъ годовъ, когда интересы русскаго рабочаго защищались и руководились безформенными студенческими кружками въ Россіи и заграницей, безусловно, что такая организація какъ Бундъ оказали-бы свое вліяніе.

Бундъ возникъ именно въ эту эпоху, когда интересы еврейскаго пролетаріата на столько опредѣлились подъ натискомъ промышленнаго развитія Россіи, и ждали своего разрѣшенія, что существующія въ Россіи студенческія кружки не могли больше удовлетворять его духовныхъ потребностей. Но теперь, когда русскій пролетаріатъ настолько выросъ, что создаетъ эпохи въ русской исторіи, не только Бундъ, но какія бы то не было организаціи на началахъ схожихъ съ началами организаціи Бунда, онѣ будутъ, безусловно, „организаціями безсилія“, не говоря о томъ, что въ большинствѣ случаевъ, онѣ будутъ мѣшать правильному развитію русскаго движенія.

Бундъ можетъ существовать какъ организація или какъ союзъ еврейскаго пролетаріата подъ полнымъ контролемъ русской соціальдемократической партіи, только въ томъ случаѣ, если сброситъ съ себя всякій національный колоритъ своей дѣятельности, и если вопросъ нація-ли евреи исчезнетъ изъ его программы; когда вопросъ подлежатъ-ли евреи ассимиляціи перестанетъ волновать его представителей; тогда, наконецъ, когда Бундъ проникнется, своей

классовой идеологіей, уступившая теперь, къ сожаленію, свое мѣсто національнизму. Но разъ только Бундъ станетъ на чисто классовой точкѣ зрѣнія, т. е. разъ только онъ откажется отъ роли быть выразителемъ мелко-буржуазнаго соціализма еврейской прогресивной интеллигенціи, то существованіе Бунда окажется совершенно излишнимъ, не только въ роли независимой организаціи еврейскаго пролетаріата, но даже въ роли автономной организаціи въ русской соціальдемократической рабочей партіи. Существованіе Бунда на тѣхъ началахъ, на какихъ онъ существуетъ съ четвертаго съѣзда еврейскихъ рабочихъ, является въ противорѣчіи съ научнымъ революціоннымъ соціализмомъ, ибо онъ не преставляетъ пролетаріата, а лишъ извѣстную часть передовой интеллигенціи еврейской націи; съ практической-же точки зрѣнія, существованіе Бунда—какъ самостоятольной или автономной организаціи—все равно, онъ идетъ во вредъ нормальному развитію русскаго революіоннаго движенія.

Историческій анализъ послѣднихъ событій въ Россіи даетъ намъ не мало примѣровъ для потвержденія нашей мысли.

***

Приступая теперь къ другимъ разновидностямъ соціализма на національстическихъ началахъ, намъ осталось еще не много сказать.

Если революціонное соціалистическое движеніе въ З.-Европѣ хромаетъ разъѣдаемое буржуазными тенденціями, то русское движеніе, — этого никто не станетъ отрицать, — еще съ своей колибели, разъѣдается индивидуализмомъ неоформенной и внѣклассовой интеллигенціи.

Разница заключается только въ томъ, что буржуазное теченіе соціалистической партіи З.-Европы, проявившееся какъ „бернщейнизмѣ“ въ нѣмецкой партіи, „министеріализмѣ“ въ французской, „экономическій синдикализмъ“ *) въ англійской и т. д., находятъ свое объясненіе въ чрезвычайномъ ростѣ рабочаго движенія этихъ странъ, въ политической сознательности народныхъ массъ, и наконецъ, въ громадномъ накопленіи капитала; тогда какъ, интеллигентскій индивидуализмъ русскаго соціалистическаго движенія, объясняется исключительными условіями при которыхъ Россія, развивалась, какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи.

Еще 40-50 лѣтъ тому назадъ, когда идеи научнаго соціализма начали проникать въ Россіи, въ видѣ теоритической философской системы, они нашли горячій пріемъ со стороны задыхающейся, въ атмосферѣ абсолютизма, русской интеллигенціи, обхвативъ, мало по мало, всѣ области духовной ея жизни. Въ практической-же жизни страны, идеи научнаго соціализма не могли сразу пробить себѣ дорогу. И неудивительно, Россія страна земледѣлческая, а въ началѣ шестидесятыхъ годовъ не только, что русская индустрія находилась на очень низкой ступени своего развитія, но и селско-промышленная индустрія не выдавалась какими нибудь капиталистическими тенденціями; вотъ почему идеи научнаго соціализма, для которыхъ нужна, прежде всего, почва дѣйствительной жизни, явились такъ поздно въ Россіи.

Появленіе научнаго соціалпзма въ Россіи совпадаетъ съ тѣмъ моментомъ, когда русская фабрика стала притяги-

*)Подъ понятіемъ „экономическій синдикализмъ“, мы подразу мѣваемъ рабочее професіональное движеніе, которое не стоитъ на политической почвы т. е. которое основано на неутральныхъ началахъ въ политической жизни страны.

вать разорившихся мелкихъ производителей и неспособныхъ къ самостоятельной работѣ крестянъ т. е. съ того момента, когда началъ выдѣлятся пролетарскій классъ въ Россіи. Этимъ объясняется, что русская интеллигенція шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ была болѣе склонна къ сантиментальности, утопизму, общечеловѣческимъ стремленіямъ алтруизма и т. д., и враждебно относилась къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Одинъ лишъ Чернышевскій разъ осмѣлился высказать ту глубокую мысль, что только русскій капитализмъ совершитъ революціи въ Россіи; но это было только разъ и Чернышевскій умеръ убежденнымъ утопистомъ. Бакунинъ и Лавровъ не менѣе Чернышевскаго водили по ложному пути русскую интеллигенцію въ ея борьбѣ за освобожденія Россіи отъ самодержавія и вообще въ ея борьбѣ за свободу.

Вотъ въ общихъ словахъ при какихъ условіяхъ воспитывалась русская интеллигенція, которая должна была явится во главѣ революціоннаго движенія въ Россіи. Эти краткіе замѣтки могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ для характеристикѣ русской интеллигенціи, неустойчивой и неуформленной въ своемъ политическомъ воспытаніи, а также и къ характеристики русскаго революціоннаго движенія вообще.

Изъ рядахъ этой именно интеллигенціи и возникла та б е п р и н ц и п н а я ея часть, которую, мы, еще съ самаго начала, назвали четвертымъ элементомъ общества, являющаяся въ большинствѣ случаевъ препятствіемъ для правильнаго развитія рабочаго движенія.

Тѣмъ и обясняется чрезвычайная плодовитость „тенденцій“ и „направленій“ въ соціалистической партіи.

Рядомъ съ Бундомъ, мы остановимся на почившей въ Бозѣ организаціи „еврейской революціонной мысли“, пародія, если можно такъ выразится, соціализма и всякой логической мысли.

Эта организація, вѣрнѣе этотъ кружокъ еврейскихъ интеллигентовъ живущихъ заграницей, хотя и не указалъ никакого вліянія на еврейскаго пролетаріата и вообще не оставилъ никакихъ серьозныхъ слѣдовъ послѣ себя, тѣмъ не менѣе нельзя умолчать о немъ, ибо его теоритическая обосновка легла цѣликомъ въ принципахъ, недавно-родившагося новаго еврейскаго,—пустъ извинятъ насъ за выраженіе,— кружка, интеллигеннтовъ „сіонистовъ-соціалистовъ".

Быводы и заключенія „возрожденцевъ" оченъ напоминаютъ Традіаковскую поэзію:

Екатерина о,
Поѣхала въ царское село!

Такъ напр. коментируя духъ „классовой борьбы",*) послѣ цѣлаго ряда забавныхъ шутокъ „возрожденцы" доходятъ до слѣдующаго курьезнаго заключенія:

„Національная борьба, должна быть понимаема какъ борьба классовая", (к. н.), но классовая борьба стрѣмится къ уничтоженію классовъ, спрашивается, къ чему должна стремится національная борьба? Стало быть тоже къ уничтоженію націю, если конечно, вѣримъ аналогіи нашихъ молодцовъ изъ возрожденія, что національная борьба совпадаетъ съ классовой борьбой. Но „возрожденцамъ" этого вовсе не хочется и поэтому, они очень ловко выходятъ изъ этого неловкаго положенія: „Мы утверждаемъ, -- пищутъ они—что въ этомъ пунктѣ (т. е. въ конечной цѣли борьбы Ст. С.) обривается путь законной аналогіи между классовой и національной борьбы" т. д. „Сіонисты-Соціалисты", смѣемъ надѣятся, что не дойдутъ до подобной банальности, но это ни чуть не уменьшаетъ ихъ комическаго положенія въ роли соціалистовъ.

*) См. Возрожденіе № 1-2. Январь-Февраль.

Представители „еврейской революціонной мысли" т. е. „возрожденцы", спрашивали нѣсколько раньше: „Наши соціальдемократы, соціалисты-революціонеры и даже бундовци подчеркиваютъ исключительно правительственный характеръ погромовъ и усматриваютъ единственный источникъ ихъ въ общемъ самодержавномъ строѣ Россіи, почему и совѣтуютъ намъ вступить въ общіе ряды борцовъ за политическую свободу. Неужели же этотъ отвѣтъ достаточенъ для полнаго разрѣшенія вопроса.?*) И „возрожденцы" доходятъ до заключенія, что все пойдетъ какъ нельзя лучше при объидиненіи "еврейской интеллигенціи съ еврейскимъ пролетаріатомъ на почвѣ своихъ національныхъ интересовъ, во имя борьби за свой національный идеалъ". Непонятнымъ остается только одно:этотъ рецептъ возрожденцевъ относится-ли ко всѣмъ евреямъ или только къ своимъ т. е. обхватываетъ ли онъ всѣхъ разсѣяныхъ по всему земному шару евреевъ, или же только живущимъ въ Россіи.

„Возрожденіе", сказано въ скобкахъ, сдѣлалъ маленькую ошибку обвиняя и „бундовцевъ" въ національной измѣнѣ, но это старая исторія и не кстати теперь икправлятъ ошибки „Возроженія", —дѣло въ томъ, что и „сіонисты-соціалисты" поставили такія-же вопросы, какія ставилъ, не такъ давно Бундъ, которые ставятъ теперь и „сіонисты-соціалисты", а именно, вопросы: нація-ли евреи, подлежатъ-ли евреи ассимиляцію; и характерно то, что какъ бы эти вопросы не были поставлени, какая бы группа, партія или кружокъ не ставили-бы ихъ, то отвѣтъ получался одинъ и тотъ-же т. е., что евреи нація, и что они не подлежатъ никакой ассимиляціи.

*) Idem.

*
* *

Спрашивается теперь, что такое представляетъ партія „сіонистовъ-соціалистовъ"?—Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны упомянуть о бывшихъ рабочихъ организацій, такъ называемыхъ „Пойалей-Ціонъ."

Какъ извѣстно, эти организаціи возникли преимущественно въ Россіи, главнымъ образомъ, подъ впечатлѣніемъ послѣднихъ погромовъ. Этимъ и объясняется ихъ быстрый, даже стихійный ростъ; этимъ объясняется также, что многіе изъ этихъ организацій возникли безъ содѣйствія интеллигенціи, а —по личной иниціативѣ самихъ еврейскихъ рабочихъ. Ошибаются тѣ, которые утверждаютъ, что организаціи „Пойалей-Ціонъ" были организаціями сознательныхъ рабочихъ.

Эти организаціи держались средняго, такъ сказать положенія: въ качествѣ рабочихъ организацій, организаціи „Пойалей-Ціонъ" стремились, до нѣкоторой степени, къ своимъ классовымъ интересамъ, какъ несознательная еврейская масса, организаціи „Пойалей-Ціонъ" стояли на точки зрѣнія идеологіи еврейской мелкой буржуазіи. То, что эти организаціи не имѣли одной программы, не только для своихъ „конечныхъ", но даже „ближайшихъ" цѣлей, а каждая отдѣльная организація выступала съ собственной программой,— доказываетъ, на какой ступени классовой сознательности онѣ находились. И лишь только, когда извѣстная часть еврейской интеллигенціи стала во главѣ этихъ организацій онѣ начали обнаруживать свои мелько-буржуазныя тенденціи, выразившіяся въ ихъ націонализмѣ, отъ которыхъ собственно говоря, организаціи „Пойалей-Ціонъ отстояли только на одинъ шагъ.

Но столкнувшись съ дѣйствительной жизнью съ одной

стороны, подъ вліяніемъ агитаціонной дѣятельности соціаль демократическихъ партіи въ Россіи съ другой, организаці „Пойалей-Ціонъ", естественно, должны были разколоться выбрать одно изъ двухъ: либо пойти по пути опредѣленна го исторіей, либо очутиться во хвостѣ еврейской буржуазі

Такъ и случилось.

Многіе изъ членовъ организаціи "Пойалей-Ціонъ" пе решли къ соціальдемократическому движенію, также многіе пошли подъ знаменемъ сформированнаго, еврейскими ин теллигентами, кружка „сіонистовъ-соціалистовъ".

Вотъ, въ краткихъ словахъ, при какихъ условіяхъ воз никла партія (?) „сіонистовъ-соціалистовъ".

Говорить о теоритической обосновкѣ „Пойалей-Ціонъ намъ не придется, ибо таковой вовсе не было; остановимся на главнѣйшихъ, основныхъ пунктахъ программы „сіонист соціалистовъ". Въ „Деклараціи Сіонистско-Соціалистиче сой Рабочей Партіи",*)эти пункты формулированы слѣду ющими словами: „При соціально-экономическихъ условіяхъ существованія, господствующихъ въ капиталистическихъ странахъ, еврейскій народъ, какъ лишенный національнаго хозяйства, долженъ постоянно испытывать острый соціаль но-экономическій и національно-политическій гнетъ, кото рый выражается въ ростущемъ пауперизмѣ и культурной безплодности широкихъ еврейскихъ массъ. Вызванная этим положеніемъ эмиграція, которая направляется въ страны высокаго капиталистическаго развитія, гдѣ соціально-эко номическое состояніе еврейской массы не можетъ радикально измѣниться, должна въ своемъ ростѣ встрѣтить ограниченія и непреодолимыя препятствія. Для созданія-же необходи мыхъ условій для свободной соціально-экономической и на аціонально-политической жизни, еврейскія массы должны пріобрѣсти свободную территорію, гдѣ онѣ смогли бы свои

*) См. Декларацію Сіонистско-Соціалистической Рабочей Партіи Изданіе Лиги Содѣйствія С. С. Р. П. 1905,

центрироваться и вести свою народную жизнь на національно-автономныхъ началахъ. Пріобретѣніе-же такой территоріи, какъ правоохраненнаго убѣжища для большинства еврейскаго народа, и ставитъ своею цѣлью сіонизмъ".

Такимъ образомъ, съ сіонистической точки зрѣнія, евреямъ нужна территорія для того, что бы еврейская нація могла, прежде всего, развить у себя національно промышленное хозяйство, ибо, по сдѣланнымъ, „сіонистами" изслѣдованіямъ, „еврейскіе рабочіе не «индустріализируются», не концентрируются въ такихъ отрасляхъ производства, гдѣ они могли бы составить такую силу, которая была бы способна остановить жизнь всего общеества".*) А еврейскіе рабочіе, съ точки зрѣнія „сіонистовъ-соціалистовъ", не индустріализируются только потому, что имъ мѣшаетъ для этого.... суббота. Такое объясненіе еврейской экономической жизни, по жалуй, очень напоминаетъ анекдотъ „Набата", почему въ 1812 году не могла состоться революція во Франціи,— дѣло въ томъ, что наканунѣ революціи, т. е. ночью 22 на 23 октября, пошелъ такой проливной дождь, что заговорщики генерала Малэ предпочли остаться у себя дома, чѣмъ пойти на улицу провозглашать революцію.

Итакъ, еврейскій пролетаріатъ не „индустріализируется". Но откуда взялся этотъ пролетаріатъ, если не путемъ „индустріализаціи"; есть ли на самомъ дѣлѣ еврейскіе рабочіе такой пролетаріатъ, который не подчинялся-бы законамъ современнаго капиталистическаго общества, какимъ его представляютъ сіонисты-соціалисты"? И можетъ-ли научный соціализмъ развиваться въ средѣ не индустріальнаго пролетаріата? Это есть секретъ только „сіонистовъ-соціалистосъ".

Но съ другой стороны „сіонисты-соціалисты" признаютъ, что первое, необходимое условіе для каждаго рабочаго движенія на соціалистическихъ основахъ, является, пре-

*) См. Отчетъ о VII Сіонистскомъ конгресѣ. Женева. 1905.

же всего, индустріализація этихъ рабочихъ, въ чемъ и за
лючается, такъ сказать, ихъ главный аргументъ въ поль
зу возрожденія еврейской націи, процессъ немного слож
ный, но безусловно вѣроятный, хотя и не только при необ
ходимомъ національно-промышленномъ хозяйствѣ мо
жетъ совершится этотъ процессъ, т. е. „индустріализація
пролетаріата.

Но если согласится съ „сіонистами-соціалистами", что
они правы и если допустить, что еврейскіе рабочіе не будут
индустріализировался дотѣхъ поръ, пока еврейскому народ
будетъ незнакома національная промышленность, то выхо
дитъ, что въ настоящій моментъ и рѣчи не можетъ быть о
существованіи еврейскаго пролетаріата, и слѣдовательно
и рѣчи не можетъ быть о соціализмѣ въ средѣ евреевъ.

Непонятно теперь о какомъ соціализмѣ идетъ рѣчь въ
программѣ сіонистовъ-соціалистовъ. Это опять таки секрет

Еврейское рабочее движеніе, правда, началось не въ
средѣ фабричнаго пролетаріата, а въ средѣ ремесленниковъ
въ средѣ подмастьеревъ противъ мастеровъ, но это объяс
няется исключительными экономическими условіями ев
рейской націи, о которыхъ мы уже говорили. Лишь въ
срединѣ прошлаго вѣка, экономическая жизнь евреевъ
выразила тенденцію къ перемѣнѣ: мелкій посредникъ
началъ переходить къ ремесленному труду, тогда какъ
крупный банкиръ-ростовщикъ—къ крупнымъ промыш
леннымъ предпріятіямъ. Эта перемѣна въ еврейской
экономической жизни, влекла за собой, не только, инду
стріализаціи еврейскаго пролетаріата, но, къ сожалѣ
нію для „сіонистовъ-соціалистовъ", къ очень быстрой ин
дустріализаціи, что доказывается чрезвычайно-быстрымъ
развитіемъ еврейскаго рабочаго движенія.

Мы заканчиваемъ нашъ очеркъ резолюціей принятой
VI съѣздомъ Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза съ
духомъ которой мы вполнѣ согласны.

Вотъ она:*)—„Принимая во вниманіе;

Что ходъ капиталистическаго развитія въ тѣхъ государствахъ, гдѣ живутъ евреи, не создаетъ для нихъ такихъ хозяйственныхъ условій, изъ которыхъ вытекла бы объективная необходимость сосредоточенія евреевъ на самостоятельной территоріи;

Что самостоятельная еврейская территорія не можетъ получиться въ результатѣ борьбы вообще, а тѣмъ болѣе классой борьбы пролетаріата;

Что лишь по линіи этой борьбы, ведущей къ демократизаціи общественнаго и политическаго строя тѣхъ государствъ, гдѣ живутъ евреи, и преобразованію современнаго общеста на соціалистическихъ началахъ, лежитъ путь къ разрѣшенію еврейскаго воврса;

Что наличность въ программѣ той или иной группы задачи достиженія самостоятельной еврейской территоріи и агитація на почвѣ этой задачи налагаетъ на всю ея политику печать утопизма и авантюризма;

Что такимъ образомъ, поскольку нѣкоторые отдѣльные слои еврейскаго пролетаріата подпали бы подъ вліяніе такой группы, ея агитація могла бы лишь самымъ вреднымъ образомъ отразиться на ихъ борьбы за улучшеніе своего положенія на мѣстѣ, окрасить эту борьбу въ специфически-національстическій цвѣтъ мелкой-буржазной идеологіи и лишить ее пролетарскаго характера;

Что чѣмъ болѣе мѣста эта задача занимаетъ въ агитаціи, тѣмъ болѣе исключается возможность вести движеніе да же только въ направленіи буржуазно-революціонномъ и демократичекомъ;

VI съѣздъ Бунда, видя въ образованіи различныхъ группъ сіонистовъ-соціалистовъ результатъ стремленія буржуазнаго сіонизма подчинить своему вліянію при по-

*) Перепечатана изъ газ. „Еврейскій Рабочій“ № 1. С. Петербургъ. 1905 г.

мощи безсодержательной квази-соціаалистической фразеологіи еврейскія пролетарскія массы, подтверждаетъ резолюцію V съѣзда Бунда о необходимости борьби съ сіонизмомъ во всѣхъ его видахъ и оттѣнкахъ."

Итакъ, всякое національное движеніе выступаетъ-ли оно подъ знаменемъ соціализма или нѣтъ, есть движеніе буржуазное, реакціонное, отъ котораго пролетаріетъ долженъ остерегаться.

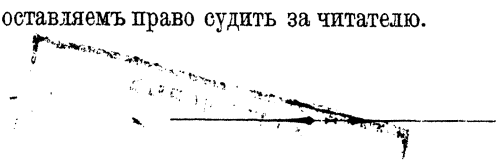
Для русскаго-же пролетаріата уже наступилъ моментъ объединиться въ одну общую партію и нанести послѣдній ударъ русскому царизму, подъ гнетемъ котораго уже десять вѣковъ какъ стонетъ вся Россія.

Въ концѣ нашей брошуры, мы считаемъ нашимъ долгомъ заявить о слѣдующемъ:

Выпуская нашу брошюрку, мы не ангажируемъ никаго изъ нашихъ русскихъ товарищей; вся отвѣтственность за высказанные въ ней взгляды беремъ лично на себя. Въ нашемъ очеркѣ мы не имѣли ввиду тѣхъ или иныхъ тактическихъ соображеній русской соціальдемократической партіи, а держались по возможности, принципіальной точки зрѣнія.

За неимѣніемъ возможности распространиться при нашемъ изложеніи, мы коснулись, мелькомъ, многихъ изъ вопросовъ, которые требовали болѣе тщательной обработки, а о нѣкоторыхъ совсѣмъ ничего не было сказано. Однако, наши главныя мысли, мы постарались, на сколько было возможности высказать.

На сколько наша брошюра достигнетъ цѣли, мы оставляемъ право судить за читателю.

При наборѣ предлагаемой брошюры, при всемъ нашемъ вниманіи, вкрались нѣкоторыя ошибки за которыя просимъ извиненія у читателей. Также просимъ исправить слѣдующую ошибку: на стр. 64 строка 25 напечатано **канія ставилъ, не такъ давно Бундъ,которыя ставятъ теперь и „сіонисты-соціалисты“**, слѣдуетъ исправить **канія ставили, не такъ давно „возрожденцы“ и Бундъ,.**